

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний. (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, еп. Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1901. Т. 2. № 7/8. С. 542—592 (3-я пагин.). (Продолжение.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. 1)

(Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

18-е Іюня. Воскресенье. Въ Архипелагѣ.

Проснулись рано, и снова въ Дарданелахъ. Солнце хотя и встало, но было окутано тучами, и кругомъ лежала сѣровая мгла. Среди нѣсколькихъ пароходовъ, стоявшихъ въ Дарданелахъ, мы скоро узнали и тотъ, на которомъ должны были ѣхать въ Яффу. Это былъ „Цесаревичъ“ — пароходъ довольно большой. Простившись съ любезнымъ капитаномъ парохода и нашимъ радѣтелемъ Н. А. Ивановымъ, главнымъ агентомъ Общества пароходства и торговли, которому мы были обязаны многими удобствами во время морского пути, мы на шлюпкахъ переправились на „Цесаревичъ“ и черезъ нѣкоторое время снова выѣхали въ Архипелагъ. На „Цесаревичѣ“, благодаря тому же Н. А-чу, намъ отдѣлили заднюю часть трюма, позволивъ располагаться на палубѣ и въ рубкѣ 2-го класса. Поэтому пять дней на „Цесаревичѣ“ мы провели довольно удобно, тѣмъ болѣе, что и море все время было спокойно, небольшая качка служила только развлеченіемъ, и чего особенно боялись — „морскаго томленія“, — почти совсѣмъ не испытывали.

Наше пребываніе на „Цесаревичѣ“ началось богослуженіемъ. По случаю воскреснаго дня о. Анастасій на верхней палубѣ

---

1) Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ, Іюль стр. 311—348.

парохода въ присутствіи всѣхъ пассажировъ отслужилъ молебенъ.

Не смотря на то, что на пароходѣ пришлось провести пять полныхъ дней, плаваніе нимало не наскучило. Чудныя красоты Архипелага и Средиземнаго морей таковы, что ими трудно налюбоваться. Любуясь то темно-синимъ, то бирюзовымъ, то спокойнымъ, то слегка волнующимся, но всегда величаво-прекраснымъ моремъ, постоянно смѣняющеюся панорамю острововъ, обращающихъ на себя вниманіе своими причудливыми очертаніями, уходящими въ синюю высь своими бѣлоснѣжными заоблачными вершинами, мы и не замѣчали, какъ бѣжало время, хотя оно и было распределено у насъ довольно однообразно. Вставали рано, такъ какъ спали большею частію на верхней палубѣ, а ее въ 5—6 часовъ уже начинали мыть матросы по описанному выше способу. Разумѣется, спать при такомъ мытьи было невозможно и поневолѣ поднимались рано. Но раннее вставаніе вознаграждалось тѣмъ, что мы любовались восходомъ солнца, дающаго на морѣ неописуемо-чудную картину, вслѣдствіе необыкновенно эффектнаго сочетанія красокъ и цвѣтовъ. Послѣ чаю обыкновенно разсыпались всѣ съ путешественниками въ рукахъ по громадному пароходу, восхищаясь открывающимися съ палубы все новыми и новыми видами острововъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Къ вечернему чаю приходили къ намъ наши классные пассажиры: преосвященный Ректоръ и профессора, и всѣ вмѣстѣ дѣлились впечатлѣніями дня.

Сегодня съ самого утра долго не сходили съ верхней палубы парохода: мы были въ водахъ Греціи, тамъ, гдѣ совершалась интересная исторія этого замѣчательнаго народа, создавшаго чудное поэтическое и беззаботное міросозерцаніе, напоминающее вѣчно ясное небо, подъ которымъ жилъ этотъ великій въ древности народъ. Налѣво отъ насъ виднѣются мѣста, гдѣ стояла древняя Троя, откуда происходилъ Парисъ-виновникъ знаменитой Троянской войны, знаменитой, главнымъ образомъ, потому, что ее воспѣлъ слѣпецъ Гомеръ, твореніемъ котораго наслаждаются люди всѣхъ временъ и націй. Здѣсь быстроногіи Ахиллъ, которому помогала богиня Паллада, поразили защитника Трои, шлемоблещущаго Гектора; здѣсь подвизался хитроумный Одиссей

и много другихъ героевъ, дружившихъ съ самими богами Олимпа.

Отъ языческихъ временъ наша мысль перенеслась ко временамъ начала христіанства, ко времени двукратнаго посѣщенія Трои св. Ап. Павломъ. Въ первое свое посѣщеніе, какъ извѣстно, онъ имѣлъ здѣсь видѣніе, призывавшее его къ проповѣди въ Македоніи; во второй разъ св. Павелъ посѣтилъ Троаду по возвращеніи изъ Македоніи и воскресилъ здѣсь юношу Евтиха (Дѣян. XX, 9).

Направо кругомъ видяются гористые и скалистые острова, купающіеся въ свѣтло-синихъ водахъ Архипелага.

Пассажиры почти всѣ на палубѣ и любятъ моремъ. Составъ ихъ-довольно разнообразный. Въ первомъ и во второмъ классахъ народу немного. Здѣсь ѣдутъ: священникъ Вишняковъ съ сыномъ, преподавателемъ Петербургской дух. семинаріи, присоединившіеся потомъ къ нашей компаніи, еще два священника, нѣсколько учащихся арабовъ, возвращающихся на каникулы изъ Россіи на родину, и одна учительница изъ Трипольской русской школы. Въ 3-мъ классѣ пассажировъ больше и составъ ихъ гораздо разнообразнѣе. Лучшія мѣста на носу и на палубѣ занимаютъ турки, расположившіеся съ своими многочисленными сундуками на перинахъ. Турки обыкновенно не берутъ билетовъ перваго и втораго классовъ, но за то въ третьемъ классѣ любятъ располагаться съ комфортомъ; на мѣстѣ перинъ и подушекъ, занавѣсившись кругомъ, съ запасомъ своей провизіи, турки и турчанки по цѣлымъ днямъ лежатъ, глубоко-мысленно созерцая небо, или покуривая кальянъ. Ихъ хорошенькіе ребятишки рѣзвятся тутъ же. Старшіе придерживаются самыхъ примитивныхъ педагогическихъ правилъ въ обращеніи съ дѣтьми и время отъ времени награждаютъ наиболѣе расшалившихся шлепками. Къ русскимъ турки относятся просто и добродушно. Иногда во время чаю, турокъ безцеремонно подставляетъ свой стаканъ и при этомъ очень любезно улыбается. Онъ и самъ не прочь иногда оказать какую нибудь услугу. Разъ мы играли на палубѣ съ маленькою дѣвочкою—турчанкой. Матери очевидно понравилось это. Она опустила руку въ чашку, изъ которой ѣла (ложекъ, какъ извѣстно, турки не употребляютъ), выудила оттуда большую мокрую маслину и съ любез-

ною улыбкою подала, прося мимикою открыть ротъ. Нечего было дѣлать, — пришлось взять эту несчастную маслину. Кромѣ турокъ, отправляющихся въ Мало-Азіійскіе города по торговымъ дѣламъ или въ Мекку на поклоненіе священному камню, на пароходѣ много арабовъ въ синихъ, длинныхъ рубахахъ съ растегнутою, загорѣлою грудью, грековъ, въ невозможно широкихъ шароварахъ, и другихъ восточныхъ людей: болгаръ, сербовъ, и т. п. Русскихъ богомольцевъ не особенно много, такъ какъ паломнической сезонъ, обнимающій время отъ Рождества до Пасхи, уже кончился. Среди нихъ преобладаютъ женщины, преимущественно монашки, или вѣриѣе, т. н. чернички. Мѣста они занимаютъ на пароходѣ худшія, на грязныхъ нарахъ въ открытыхъ проходахъ около машины, или въ глубинѣ трюма, куда никогда не проникаетъ Божій свѣтъ. Часто отравляетъ существованіе щельная фауна; даже отъ нападенія крысъ не гарантированъ простой паломникъ, путешествующій въ 3-мъ классѣ пароходовъ Русскаго Общества. Трудно себѣ представить, какъ проводятъ десять дней на пароходѣ паломники въ паломнической періодъ, когда съ однимъ рейсомъ отправляется около тысячи челоуѣкъ, когда непрерывно идутъ дожди и приходится испытывать морскую качку, при скудномъ притомъ питаніи сухарями, вывезенными изъ какой-нибудь Иркутской или Красноярской губерніи. Но русскіе паломники, для которыхъ путешествіе во Св. Землю часто является осуществленіемъ мечты всей жизни, спокойно переносятъ непріятности морского пути и дѣлать время на пароходѣ между чаепитіемъ и чтеніемъ библіи или какихъ-нибудь назидательныхъ сочиненій.

Часовъ около 4-хъ нашъ пароходъ остановился у острова Митилень (древняго Лесбоса). Островъ—большой, гористый, лѣсистый и весьма красивый; у подошвы его амфитеатромъ раскинулся небольшой городокъ того-же имени. Едва-лишь пароходъ остановился, какъ заработала лебедка: стали выгружать и нагружать грузъ; пароходъ осадилъ пріѣхавшіе изъ города греки съ провизіею.

Черезъ часъ снова тронулись въ путь. Обыкновенно пароходы кругового рейса отъ Митилень идутъ параллельно азіатскому берегу и заходятъ въ одинъ изъ очень древнихъ и богатыхъ Малоазійскихъ городовъ—въ Смирну. Но теперь

въ Смирнѣ была официально признанная чума и заходящіе туда пароходы должны выдерживать карантинъ; поэтому нашъ пароходъ отъ Митилень повернулъ направо и прямо отправился къ острову Хіосу.

Въ 8 часовъ вечера солнце, окрасивъ пурпуровымъ цвѣтомъ небо и море, быстро скрылось за горизонтомъ и темная ночь повисла надъ моремъ. Небо загорѣлось мнѣрами необыкновенно яркихъ звѣздъ и подулъ тихій, ласкающій лицо, теплый вѣтерокъ, слегка волновавшій потемнѣвшее, бархатное море. Кругомъ все словно уснуло: ни звука, ни движенія; только монотонный звукъ пароднаго винта, оставлявшаго за собою длинный серебристый слѣдъ, нарушалъ эту торжественную нѣмую тишину ночи среди моря.

Часовъ около 11-ти нашъ пароходъ¹⁾ остановился для выгрузки товара у острова Хіоса. Городъ того же имени широко раскинулся у подножія горы и смотрѣлъ теперь на насъ тысячами огней. Не смотря на поздній часъ, у парохода, едва лишь онъ остановился, поднялась суета, появились арабы, греки съ провизією и разными мѣстными произведеніями, особенно навязывая хіосское варенье въ длинныхъ узкихъ баночкахъ. Часамъ къ двѣнадцати пароходъ вышелъ изъ Хіосской бухты, и снова все успокоилось.

19-е Іюня. Понедѣльникъ. Въ Средиземномъ морѣ.

Послѣ острова Хіоса нашъ пароходъ нигдѣ не останавливался до Триполи, куда мы пріѣхали въ среду въ 12 часовъ дня. Два дня безъ остановокъ мы плыли по морю. Сегодня цѣлый день лавировали между многочисленными островами Архипелага: большими и маленькими, отличающимися другъ отъ друга только величиною, устройствомъ же поверхности они очень напоминаютъ другъ друга. Всѣ они гористы, почти совершенно обнажены и мало населены. Только

1) Противъ Хіоса, на твердой землѣ, находится городъ Чесма, гдѣ былъ при Екатеринѣ Великой сожженъ Русскими турецкій флотъ, а часахъ въ 2-хъ пути отъ Чесмы находятся развалины знамениаго нѣкогда города Ефеса, прославленнаго проповѣдію Ап. Павла, а также и пребываніемъ въ немъ Св. Іоанна Богослова, который провелъ здѣсь послѣдніе дни своей жизни.

около моря пріютились по мѣстамъ небольшіе города. Въ древности, во времена Греціи, здѣсь ключемъ кипѣла жизнь; острова эти были населены греческими колонистами; ихъ богатые города вели крупную торговлю; внутри шла борьба партій, борьба за самоуправленіе съ евпатридами и тиранами, граждане вели веселую, кипучую жизнь, служба музамъ; искусства процвѣтали. Теперь, жизнь на островахъ замерла; на нихъ ютятся небольшіе малонаселенные городки, живутъ большею частію греки или европейцы, которыхъ привлекаетъ сюда чудный благоуханный климатъ острововъ.

Однообразіе острововъ наскучаетъ, и единственнымъ развлеченіемъ пассажировъ парохода являются дельфины—морскія свинки, стадами бѣгуція впереди парохода, или около него. Смѣшное ныряніе этихъ животныхъ, тягущихся въ быстротѣ бѣга съ пароходомъ, обращаетъ на себя вниманіе пассажировъ и немало забавляетъ ихъ. Часовъ около 3-хъ нашъ пароходъ проходилъ мимо о. Родоса, лежащаго на Средиземномъ морѣ, въ концѣ Архипелага, и мы такимъ образомъ въѣзжали въ великій водный бассейнъ, омывающій берега трехъ частей свѣта. Островъ очень большой: онъ виденъ съ парохода въ продолженіи почти трехъ часовъ. Въ одно время пароходъ подходит довольно близко къ острову, такъ что можно разсмотрѣть на немъ церкви, мечети, развалины старинныхъ зданій, множество вѣтряныхъ мельницъ, похожихъ, благодаря своимъ крыльямъ, на громадныхъ птицъ. За Родосомъ ¹⁾ открылось безбрежное водное пространство, когда мы въѣхали въ Средиземное море. Море по прежнему оставалось спокойнымъ, и наше плаваніе не только не было утомительнымъ, но походило на чудную прогулку. Особенно хорошо было на палубѣ парохода по вечерамъ, когда ночь бросала кругомъ свой таинственный покровъ, небо загоралось мириадами звѣздъ, а съ моря поднимался теплый ласкающій вѣтерокъ. Долго по вечерамъ пассажиры, какъ тѣни, бродили по палубѣ, прислушиваясь къ ночной тишинѣ. Къ ночи море стало слегка пошаливать. Ожидаемъ морского

---

¹⁾ Противъ Родоса на берегахъ Анатолиіи находится городъ Патаръ, мѣсто рожденіе Св. Николая Чудотворца.

„томленія“, пароходъ начинаетъ правильно, хотя и не сильно, покачиваться. Большинство переходитъ спать съ палубы въ темный, сырой, похожій на подвалъ, трюмъ, гдѣ располагается прямо на полу, на разостланныхъ брезентахъ, совсѣмъ по паломнически.

20-е Іюня. Вторникъ. По Средиземному морю.

Съ самого утра кругомъ нашего парохода безконечное водное пространство. Свѣтло-синія воды Средиземнаго моря по прежнему подернуты легкою зыбью; пароходъ качаетъ довольно сильно. На палубѣ царитъ уныніе. Пассажиры ходятъ съ угрюмыми вытянутыми лицами. Уныніе—вѣрный признакъ приближающейся морской болѣзни, морского томленія. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ пассажировъ пострадали. Пострадалъ одинъ и изъ нашихъ. Зная, что наиболѣе надежное средство отъ головокруженія—результата морской качки, со всѣми его неприятными послѣдствіями — горизонтальное положеніе, многіе цѣлый день лежали. Общая столовая опустѣла. Обѣдать рѣшались только тѣ, кто ранѣе не испытывалъ всѣхъ невыразимыхъ прелестей морской болѣзни и думалъ, что для полнаго представленія о морскомъ путешествіи необходимо пережить и „морское томленіе“.

Къ вечеру море успокоилось и качка прекратилась. Пассажиры стали выползать изъ своихъ норъ и палуба снова оживилась. Налѣво отъ парохода показался вдаль островъ Кипръ, съ которымъ соединяется христіанское преданіе о пребываніи тамъ въ теченіи нѣкотораго времени Божіей Матери у св. Лазаря четверодневнаго, тамъ епископствовавшего. По языческой же мнѳологіи, у береговъ Кипра, изъ свѣтлой морской пѣны, по воззрѣніямъ древнихъ грековъ, вышла богиня Киприда. Успокоившееся море было необыкновенно красиво сегодня. Солнце какъ то особенно ласково смотрѣло съ высоты неба и вѣтерокъ ласкался нѣжнѣе. Въ такой вечеръ легко было понять, почему греки населяли всѣ берега Средиземнаго моря чудными, поэтическими призраками своего горячаго воображенія...

Турки принялись за свою вечернюю трапезу. Намѣшавъ въ большую деревянную миску маслинъ, баклажанъ и еще

какихъ-то плодовъ, они пьютъ изъ нея по очереди, ловятъ руками плоды, обсасывая пальцы послѣ каждой такой операціи. Затѣмъ заварили кофе и задымили кальянъ. Вечеряютъ и русскіе крестьяне. Вотъ старичекъ, отправившійся въ путешествіе три мѣсяца тому назадъ, по обѣщанію, послѣ болѣзни, изъ Иркутской губерніи, досталъ изъ своей сумы „домашнихъ“ сухарей; зачерпнувъ воды въ ковшикъ, положилъ туда сухарей, помолился Богу и, дожидаясь нѣкоторое время, чтобы сухари размякли, принялся ихъ грызть. Окончивъ свою неприхотливую трапезу, онъ выплеснулъ въ море остатокъ воды, снова помолился Богу, тщательно вытеръ тряпкою свой ковшикъ и убралъ свою суму. Недалеко отъ него богомолки расположились за чаемъ, который онѣ пьютъ, по крайней мѣрѣ, шестой разъ. Онѣ предлагаютъ „дѣдушкѣ“ чашечку, но онъ машетъ рукою: „пейте сами, я и такъ, слава Богу, сытъ. Вамъ молодымъ-то и чайкомъ можно побаловаться, а намъ старикамъ куды, грѣшно“.

Арабы между тѣмъ на палубѣ организовали хоръ, если такъ позволительно выразиться. Странные звуки ихъ пѣсни съ безконечными переливами далеко разносятся по спокойному морю. Она такъ же жива и подвижна, какъ и сами арабы, и въ ней такъ же часто настроенія смѣняются одно другимъ, какъ и у этихъ сыновъ пустынь. Заунывная сначала пѣсня перешла подъ конецъ въ пляску. Поставивъ на голову графинъ съ кальяномъ, черный, словно негръ, арабъ, началъ плясать, выдѣлывая ногами разныя фигуры подъ размѣренное хлопанье въ ладоши сосѣдей-арабовъ. А кругомъ,— тишина необъятнаго потемнѣвшаго моря, словно сосредоточенно думающаго свою вѣковѣчную думу, разсѣкаемаго могучею грудью гиганта—парохода и рассыпающагося чуднымъ фосфорическимъ блескомъ волнъ. Долго любовались мы въ этотъ вечеръ такую волшебною картиною.

21-ое Іюня. Среда. Въ Триполи.

Первое, что увидѣли мы, проснувшись сегодня утромъ, это—Сирійскій берегъ и окаймляющіе его Ливанскія горы съ ихъ сіяющими бѣлоснѣжными вершинами. Онѣ обрисовывался издалека волнистою линіею и манилъ къ себѣ. Нашъ пароходъ направлялся прямо къ нему, гдѣ у Триполи,

по росписанію, долженъ простоять 5—6 часовъ. Въ виду Триполи мы остановились около полудня. Солнце палило, и утопающій въ зелени садовъ городъ, далеко раскинувшійся по набережной, казался подернутымъ золотистою дымкою. Едва лишь остановился нашъ пароходъ, какъ на него напали лодочники арабы: одни—съ провизіею и всевозможными предметами, другіе—съ предложеніемъ свезти на берегъ. И тѣ и другіе, какъ всегда, необыкновенно назойливы, особенно первые. Сидишь и пишешь, напимѣръ, на палубѣ. Вдругъ кто-то схватываетъ тебя за ногу; оглядываешься—предъ тобою стоитъ улыбающійся арабъ, на ногѣ уже нѣтъ штиблета, а надѣта желтая туфля: такъ мимически рекомендуетъ онъ свой товаръ. Впрочемъ и вторые бываютъ иногда хороши. Порядившись съ русскими паломниками свезти ихъ на берегъ и обратно за два-три піастра (16—24 коп.), они, если до отхода парохода остается недолго, или поднимается буря, запрашиваютъ за обратную доставку на пароходъ съ берега, вмѣсто условленнаго 1—1½ піастра, одинъ—два меджида (66½—133 коп.), и везутъ только тогда, когда отдашь впередъ плату, требуемую ими. Въ такихъ случаяхъ арабы-лодочники дѣйствуютъ навѣрняка. Жаловаться консулу—значитъ пропустить пароходъ и жить въ чужомъ городѣ, тратя ежедневно 1—2 меджида, рискуя при этомъ лишиться вещей, оставшихся на уходящемъ пароходѣ. Лучше ужъ заплатить 1—2 меджида арабамъ за лодку. Такъ въ подобныхъ случаяхъ большею частію и дѣлаютъ. Нѣкоторые и изъ нашихъ на обратномъ пути, заѣхавъ въ Мерсину, подверглись подобной же участи, вынужденные заплатить по чиреку (40 к.) вмѣсто піастра (8 к.) въ виду парохода, къ которому не хотѣли подъѣзжать арабы, не получивъ требуемаго, въ то время какъ море волновалось, ежеминутно угрожая опрокинуть нашу утлую лодку. Сегодня наша переправа, впрочемъ, совершилась безъ всякихъ приключеній, благодаря ѣхавшему съ нами семинаристу—арабу, сыну мѣстнаго священника, и брату его, студенту Петербургскаго университета, выѣхавшему для встрѣчи своего брата. Эти молодые люди, весьма симпатичные, и организовали переѣздъ нашъ на берегъ, отстоящій почти на версту отъ парохода, который останавливается такъ далеко въ виду подводныхъ прибрежныхъ камней. Высадились мы на набережной предмѣстья

Триполи—Ел-Мина. Здѣсь встрѣтилъ Преосвященнаго Митрополита Трипольскій Григорій съ двумя священниками. Встрѣча была самая сердечная. Благословивъ и облобызавъ насъ, Владыка пригласилъ къ себѣ въ лѣтнее помѣщеніе, находящееся здѣсь же—въ предмѣстьи, куда мы и отправились въ сопровожденіи Митрополита. Мы очутились въ городѣ, въ настоящемъ, типичномъ восточномъ городѣ. Правда, архитектура домовъ, суетня на улицахъ сильно напоминали Константинополь; но здѣсь мы впервые увидѣли кораблей пустыни—верблюдовъ и чисто тропическую флору. Громадные верблюды съ серьезными, умными мордами расположились поперекъ улицы, такъ что заняли всю дорогу и намъ приходилось обходить ихъ. Здѣсь же, вмѣстѣ съ верблюдами, масса ословъ и муловъ, на которыхъ обыватели перевозятъ тяжести, такъ какъ на экипажахъ возить что-нибудь по улицамъ Малоазійскихъ городовъ весьма затруднительно. Изъ флоры обращаютъ здѣсь особенное вниманіе кактусы. Ихъ на Востокѣ такъ же много, какъ у насъ въ Россіи въ пустынныхъ мѣстахъ крапивы. Подобно послѣдней они неприхотливы; растутъ вездѣ, и часто образуютъ живую изгородь, словно гигантскими лапами защищая сады обывателей отъ посягательства на нихъ со стороны сосѣдей. Эти кактусы охраняютъ, большею частію, лимонные и апельсинные сады, которыхъ здѣсь множество. Вообще Триполи—городъ садовъ, придающихъ ему красивый видъ со стороны моря.

Черезъ четверть часа, при настоящей тропической жарѣ, мы пришли на дачу Митрополита. Но съ понятіемъ объ этой дачѣ нужно соединять совершенно иное представленіе, чѣмъ какое обыкновенно у насъ существуетъ о дачахъ вообще, и объ архіерейскихъ въ частности. Дача Сирійскаго Митрополита — небольшой каменный домикъ, съ маленькимъ дворомъ, безъ сада, съ крошечною квадратною гостиной. Вдоль стѣнъ расположены самые простые диваны, нѣсколько деревянныхъ стульевъ, безъ стола, стѣны безъ обоевъ, потолокъ съ трещинами, — вотъ и вся обстановка гостиной Трипольскаго Владыки. Мы, въ количествѣ 15-ти человекъ, съ трудомъ помѣстились въ этой гостиной, притомъ нѣкоторымъ пришлось стоять. Оказалось затѣмъ, что до прошлаго года тутъ было постоянное мѣстожителство Митро-

полита, но онъ, ревнуя о просвѣщеніи дѣтей, пожертвовалъ это зданіе для школы, самъ же поселился въ домъ одного своего хорошаго знакомаго, въ самомъ городѣ. Теперь же, въ виду окончанія занятій въ помѣщавшейся здѣсь школѣ, она служить лѣтомъ дачею Митрополита. Но простота обстановки искупалась тѣмъ радушіемъ, тою любовью, съ какою онъ отнесся къ намъ. Съ какимъ интересомъ разспрашивалъ онъ насъ о путешествіи, о Россіи, о Москвѣ, Сергіевой Лаврѣ!... Владыка очень сочувственно отнесся къ цѣли нашего путешествія, рассказывалъ о положеніи дѣлъ въ своей епархіи, которая оказывается не болѣе нѣкоторыхъ Московскихъ приходо-въ, и выразилъ желаніе сопровождать насъ при осмотрѣ города. Въ маршрутъ осмотра города входило посѣщеніе двухъ православныхъ арабскихъ храмовъ: св. Георгія и св. Николая, русскихъ школъ Палестинскаго общества для арабскихъ дѣтей и развалинъ старинной крѣпости. Но посѣтить школы, о которыхъ мы много слышали и организація которыхъ насъ очень интересовала, намъ не удалось, такъ какъ завѣдующій школами отказался руководить нами подъ тѣмъ предлогомъ, что ему некогда,—у него—гости (!) ¹⁾.

Отъ Эл-Мины—предмѣстья Триполи, гдѣ находится пристань и жилище Митрополита Григорія, до самого города нѣсколько верстъ. Преосвященный вмѣстѣ съ профессорами въ сопровожденіи митрополита отправился туда въ коляскахъ; мы—на конкѣ, запряженной чрезвычайно крупными ослами, бѣгающими со скоростью трамвая. У станціи конки, по обычаю, толпа глазѣющихъ, среди которыхъ шмыгаютъ разносчики разныхъ товаровъ и преимущественно продавцы воды, лимонада и мѣстнаго кваса, настоеннаго на какомъ то корнѣ и имѣющаго весьма острый вкусъ. Всѣ эти напитки хранятся у нихъ въ оригинальныхъ восточныхъ сосудахъ, заткнутыхъ пальцами. Отниметъ разносчикъ палецъ, и квасъ фонтаномъ брызжетъ въ стаканъ, находящійся у него же за поясомъ. Дорога отъ Эл-Мины до Триполи тянется по

¹⁾ Правда, это печальное недоразумѣніе старался потомъ выяснитъ завѣдующій школами, явившійся вечеромъ на пароходѣ представителю Преосвященному, но фактъ остался фактомъ: мы лишены были удовольствія посѣтить школы, не смотря на настоятельныя приглашенія учащихся и дѣтей школъ, мимо которыхъ мы проходили. Это—одинъ изъ прискорбныхъ инцидентовъ нашего путешествія...

среди безконечной цѣпи садовъ, апельсиновыхъ и лимонныхъ рощъ, выглядывающихъ изъ-за высокихъ каменныхъ заборовъ, или защищенныхъ широкими лапами кактусовъ.

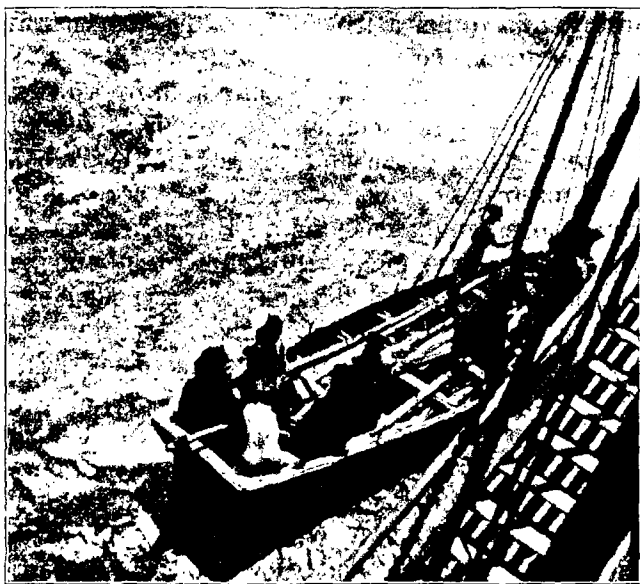
Едва лишь мы пріѣхали въ Триполи, какъ на насъ сдѣлали настоящее нападеніе... уличные мальчишки. Они цѣлою толпою сопровождали насъ все время, пока мы ходили по городу. Это, большею частію, ученики русскаго Православнаго Палестинскаго Общества; всѣ они говорятъ по русски, нѣкоторые даже очень хорошо, и теперь были рады поупражняться въ русскомъ разговорѣ и примѣнить къ дѣлу свои познанія, которыя они старались наперерывъ другъ передъ другомъ обнаружить передъ нами. „Я знаю всѣ большія рѣки въ Россіи, а я—всѣ города“, перебивали они другъ друга. Въ городѣ мы посѣтили преосвященнаго Митрополита въ его наемномъ помѣщеніи. Страннымъ съ нашей русской точки зрѣнія показалась семейственность обстановки квартиры и общедоступность Владыки, благодаря чему всѣ безъ различія пола и возраста скоро наполнили все довольно обширное помѣщеніе его, совершенно не стѣсняясь и безцеремонно разглядывая насъ. Дѣти свободно подходили къ Преосвященному, дергали за полы рясы, лепетали по русски съ характернымъ горловымъ арабскимъ акцентомъ, вдругъ зазывали „Спаси, Господи“, „Боже, Царя Храни“ Такая простота отношеній несомнѣнно весьма привлекательна. Послѣ обычнаго восточнаго угощенія, мы во главѣ съ Преосвященными, сопровождаемые массою народа, преимущественно же дѣтей, отправились въ кафедральный соборъ. Это—большой, трехпрестольный храмъ, свѣтлый и чистый. Престолы и полъ мраморные; въ одномъ придѣлѣ нѣтъ царскихъ вратъ, а только завѣса. Отсутствие росписи въ храмѣ, а также очень малое количество иконъ придаютъ обширному храму характеръ пустоты. Храмъ быстро наполнился народомъ, учащими—преимущественно учительницами—и учащимися изъ школъ Палестинскаго Общества. Обычная суетливость и подвижность восточныхъ народовъ не нашла себѣ ограниченія даже въ святости мѣста. Вотъ нѣсколько мальчиковъ бѣгутъ въ алтарь, и даже черезъ царскія врата, хватаютъ оттуда иконы, кресты, хоругви и выносятъ ихъ во срѣтеніе Преосвященному; другіе въ разныхъ мѣстахъ свѣчи зажигаютъ; тамъ раздаются какіе-то восторженные звуки; одна изъ учитель-

ницъ арабокѣ, типичной красоты, организуетъ изъ этихъ восторженныхъ дѣтей хоръ, который подъ ея управленіемъ спѣлъ нѣсколько молитвъ на славянскомъ языкѣ и гимнъ „Боже, Царя храни“. Въ это время Преосвященный съ Митрополитомъ осматривали храмъ. Въ алтарѣ показали Преосвященному роскошное евангеліе на славянскомъ языкѣ, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ здѣсь арабскихъ священниковъ показывали свое умѣніе читать по славянски, что видимо доставляло имъ великое удовольствіе. Оставивъ здѣсь лепту на нужды храма и благословивъ всѣхъ предстоящихъ при общемъ пѣніи „*εὶς πᾶσι*...“, Преосвященный Арсеній оставилъ храмъ. До экипажей сопровождала насъ многочисленная толпа народа съ возгласами „московъ, московъ“, съ пѣніемъ дѣтей. Это была картина — библейская, священная! Глядя на нее, поймешь многія священныя событія, сопровождавшіяся энтузіазмомъ народнымъ..... Отсюда всѣ направились обратно въ Ел-Мина, куда мы приглашены были любезными молодыми Хащабамъ посѣтить домъ ихъ родителей—священника и матушки.

Это предложеніе намъ сильно улыбалось. Во первыхъ, послѣ долгаго шатавія по узкимъ и грязнымъ улицамъ города подъ тропическою жарою пріятно было отдохнуть; во вторыхъ,—это самое главное,—намъ давно уже хотѣлось заглянуть за таинственную жалюзи и познакомиться съ внутреннею обстановкою восточнаго дома, еще интереснѣе было познакомиться съ домомъ мѣстнаго священника; поэтому мы приняли предложеніе Хащабовъ съ благодарностью и всѣ вмѣстѣ, въ сопровожденіи митрополита Григорія, отправились туда. По лабиринту Трипольскихъ улицъ насъ вела 8—10 лѣтняя дочь священника, хорошенькая Роза, которой, повидимому, это доставляло не малое удовольствіе и служило для нея даже предметомъ гордости. Радущіе, съ какими насъ встрѣтило семейство о. Chachabe превзошло наши ожиданія. Казалось, что мы попали въ патриархальную семью русскаго захолустнаго священника - хлѣбосола, гдѣ атмосфера, обычно, такова, что сразу чувствуешь себя, какъ дома. Чувствовать себя какъ дома, кромѣ необыкновеннаго радушія хозяевъ, немало располагало и то обстоятельство, что оба сына священника прекрасно говорятъ по русски, а жена старшаго изъ нихъ (студента Пет. Универ-

ситета)-русская. У о. Chachabe насъ совершенно запотчивали различными мѣстными блюдами, при чемъ митрополить запросто вмѣстѣ съ нами сидѣлъ у священника, по видимому, нимало не стѣняя его, принималъ живое участіе въ общей бесѣдѣ и раздѣлилъ съ нами трапезу. Мѣстные арабы были чрезвычайно заинтересованы нашимъ посѣщеніемъ священника и скоро крыши сосѣднихъ домовъ наполнились любопытными, которые безцеремонно разглядывали посѣтителей батюшки. Калитка садика, гдѣ мы расположились, поминутно отворялась, и оттуда просовывались любопытствующія лица, а цѣлая куча арабскихъ дѣтишекъ, съ татуированными, по мѣстному обычаю, ногтями, собралась во дворъ священника. На наши привѣтствія „мархаба“ (будьте здоровы) собравшіеся арабы отвѣчали веселыми возгласами или подобными-же привѣтствіями. Послѣ обѣда, чаю и кофе мы осмотрѣли домъ священника, устроенный, какъ и большинство восточныхъ домовъ. Высокія, узкія и почти пустыя комнаты, полъ, покрытый коврами, и мягкія длинныя подушки вдоль стѣнъ для сидѣнья (турецкіе диваны)— вотъ вся восточная комната, въ которую къ тому же скупо просачивается свѣтъ сквозь рѣшетчатая окна. Крыша—совершенно плоская, какъ почти у всѣхъ восточныхъ домовъ, приспособленная для собиранія въ періодъ дождей воды, которая стекаетъ отсюда въ цистерны, имѣющіяся почти при каждомъ домѣ на Востокѣ. Затѣмъ о. Д-анъ произнесъ многолѣтне митрополиту и любезнымъ хозяевамъ. Наше одушевленное пѣніе, архидіаконскій голосъ произвели чрезвычайный эффектъ на арабовъ, присутствовавшихъ тутъ и на сосѣднихъ кровляхъ. Особенно же былъ доволенъ самъ преосвященный Митрополить, отъ всей души благодарившій насъ за великое удовольствіе, доставленное ему; а архидіаконскій голосъ положительно поразилъ его,—что дало поводъ къ добродушнѣйшимъ шуткамъ..... Послѣ этого мы посидѣли нѣсколько времени на дворѣ, подъ сѣнію громадной смоковницы, въ пріятныхъ разговорахъ, въ которыхъ принимала живое участіе старушка-матушка, добрѣйшая и благодушнѣйшая женщина. Самъ о. Абдула (Ѳеодуль), лѣтъ за 60-ть, очень степенный старикъ, съ постоянною улыбкою на лицѣ, но молчаливый, ходилъ все кругомъ насъ, выражая свои чувства довольства большею или меньшею улыбкою.

Незамѣтно промелькнуло время подъ радушною кровлею гостепрѣимнаго хозяина; день уже близился къ вечеру; плавно покачивавшійся вдали на морскихъ волнахъ „Цесаревичъ“ напоминалъ своимъ видомъ, что нужно торопиться, если мы не хотимъ остаться надолго въ Триполи. Поэтому, распростившись съ любезнымъ семействомъ священника, причемъ долго повторялись съ обѣихъ сторонъ восклицанія: „мархаба“ (будьте здоровы), „пхатракъ“ (прощайте), мы поторопились на пристань, гдѣ насъ уже поджидали лодочники-

Прощаніе съ Триполійскимъ Митрополитомъ Григоріемъ.

арабы. Провожалъ до пристани Владыка Митрополитъ, котораго мы успѣли полюбить до глубины души за его простоту и сердечное отношеніе къ намъ. Прощаніе было очень трогательное, и Владыка взялъ слово съ Преосвященнаго, что онъ на обратномъ пути вмѣстѣ съ нами опять посѣтитъ его и послужитъ въ соборѣ, чѣмъ доставитъ великое удовольствіе ему и всѣмъ православнымъ жителямъ Триполи. Благополучно добрались мы до парохода, хотя лодка и немало напрыгалась подъ напоромъ разыгравшихся волнъ. Съ парохода долго любовались Триполи, сверкавшимъ сотнями

огней, трепетавшихъ въ потемнѣвшихъ волнахъ моря, дѣлясь впечатлѣніями дня. Личность митроп. Григорія занимала центральное мѣсто въ воспоминаніяхъ дня.

И дѣйствительно, митроп. Григорій, насколько мы успѣли непосредственно узнать его, а также на основаніи свѣдѣній, полученныхъ нами съ разныхъ сторонъ, является однимъ изъ видныхъ дѣятелей православной Церкви ¹⁾. Вступивши въ управление Трипольскою митрополіею, молодой, тридцатилѣтній митрополитъ со всею энергіею посвятилъ себя дѣлу служенія своей паствѣ. Митрополитъ Григорій обратилъ прежде всего свое вниманіе на умиротвореніе паствы, среди которой существовалъ сильный раздоръ, печально отражавшійся и на управленіи церквами и ихъ имѣніями; многія школы вслѣдствіе этого были закрыты. Затѣмъ онъ обратилъ особенное вниманіе на борьбу съ инославно-католическою и протестантскою пропагандою, которая дѣйствовала съ большимъ успѣхомъ въ Сиріи посредствомъ золота и предоставленія совращеннымъ житейскихъ выгодъ. Самыми лучшими средствами противъ этого митр. Григорій считалъ оживленіе внутренней церковной жизни и просвѣщеніе. Поэтому, по вступленіи на кафедру, онъ принялся за возстановленіе церковныхъ порядковъ, возобновлялъ храмы, открывалъ школы, часто на собственные средства, относясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ къ просвѣтительной дѣятельности Палестинскаго Общества. Заботясь о мѣстномъ національномъ клирѣ, митр. Григорій открылъ для этой цѣли бого-

---

¹⁾ Родился онъ въ 1859 году, въ одномъ изъ селъ Ливана, отъ благочестивыхъ родителей; учился сначала дома въ начальной школѣ, а затѣмъ—въ Бейрутской Трехъ-Святительской школѣ. Въ 1879 году онъ былъ посвященъ въ санъ іеродіакона, а въ 1880 году въ санъ іеромонаха и сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ помощниковъ и сотрудниковъ митрополита Бейрутскаго Гавріила, который ему покровительствовалъ. Своею неутомимою плодотворною дѣятельностію, благородствомъ характера и примѣрною христіанскою жизнью онъ стяжалъ себѣ общее уваженіе, такъ что, не смотря на молодость его, онъ уже въ 1884 году былъ избранъ на кафедру Алеппскаго митрополита, отъ которой, впрочемъ, отказался, не желая разстаться съ своимъ покровителемъ, митрополитомъ, тяжело болѣвшимъ въ то время. Но въ 1890-мъ году антиохійскій соборъ епископовъ вторично избралъ его уже на Триполійскую кафедру, которую онъ и принялъ по настойчивому убѣжденію самого митрополита Гавріила.

словское училище при монастырѣ Пресвятой Богородицы въ Белемендѣ, близъ Триполи. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ препятствуетъ надлежащей постановкѣ дѣла въ школѣ, изъ которой должны выходить достойные служители Церкви, для укрѣпленія пасомыхъ въ православной вѣрѣ и огражденія ихъ отъ совращеній. Въ послѣднее время она даже закрыта. Дай Богъ всякаго успѣха ревностному Архипастырю! По его собственнымъ словамъ, ему тяжело бороться противъ враговъ православія, сильныхъ средствами и обѣщаніями матеріальныхъ выгодъ!....

Ночью, въ 11-ть часовъ, снялся пароходъ съ якоря, и мы направились къ Бейруту. Море довольно сильно разыгралось; пароходъ трепало; угрожала опасность качки и ея послѣдствій, а потому всѣ поспѣшили уединиться въ каюты.

22-е Іюня. Четвергъ. Въ Бейрутѣ.

Раннимъ утромъ мы были уже въ виду Бейрута. Впрочемъ, что было только утро, объ этомъ можно было заключить лишь по часамъ. Солнце, давно уже поднявшееся изъ за моря, теперь было уже въ зенитѣ: палило и красиво переливалось въ синевато-зеленоватыхъ волнахъ спокойнаго моря. Раскаленный воздухъ словно дымкою задерживалъ отъ насъ красивый городъ, раскинувшійся амфитеатромъ, какъ большинство восточныхъ городовъ, утопая въ зелени садовъ. Въ Бейрутѣ пароходъ остановился недалеко отъ берега; благодаря тому, что нашу переправу на берегъ организовалъ ѣхавшій съ нами товарищъ, бейрутскій арабъ, Илья Абурусъ, мы доѣхали благополучно и удобно, были избавлены отъ назойливости нахальныхъ и безцеремонныхъ арабскихъ лодочниковъ.

Самый городъ произвелъ на насъ очень благоприятное впечатлѣніе. Правда, онъ вполне выдерживаетъ типъ всѣхъ восточныхъ городовъ; въ немъ тѣже узкія улицы, тѣже плоскія крыши, тѣже высокіе, ящико-образные дома, тѣже стройные минареты, какъ и въ другихъ восточныхъ городахъ; такъ же много собакъ, какъ и вездѣ; такъ же цестра и шумлива уличная толпа, въ которой феска смѣшалась съ монашескимъ клобукомъ, чалма съ англійскою шляпою

и причудливый костюмъ араба съ изящнымъ костюмомъ европейца; наконецъ, такъ же вся жизнь на улицахъ: продаютъ, варятъ, стригутъ, мѣняютъ, играютъ и отдыхаютъ. Но Бейрутъ гораздо чище и Константинополя, и Триполи, что не мало располагаетъ туриста въ его пользу. Съ другой стороны, въ Бейрутѣ поражаетъ пріятно необыкновенно пышная, роскошная растительность. Къ нему вполне примѣнимы слова Байрона: „прелестный край—гдѣ цѣлый годъ весна роскошная цвѣтетъ.., гдѣ океана свѣтлый взоръ играетъ тѣнью синихъ горъ“. Бейрутскіе кипарисы какъ будто стройнѣе и выше другихъ; банановыя, гранатовыя, апельсиныя, лимонныя и другія деревья роскошны, цвѣты олеандра, бѣлой акаціи, жасмина и т. д. ярче и красивѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а оригинальные кактусы безцеремоннѣе: и въ садахъ, и на морскомъ берегу, и даже посреди улицъ, однимъ словомъ, куда ни бросишь взглядъ—вездѣ видишь широкія лапы кактусовъ. Бейрутъ — городъ, по преимуществу, торговый. Онъ гораздо больше Иерусалима, Триполи. Поэтому пройтись по его базарной улицѣ довольно интересно, хотя это и не легко сдѣлать, такъ какъ буквально приходится проталкиваться среди безконечнаго ряда ословъ, навьюченныхъ верблюдомъ, часто загораживающихъ всю дорогу, и пестрой, разнообразной толпы, среди которой женщинъ-арабокъ съ стройнымъ станомъ и красивыми, темными глазами встрѣчается гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Востока; и ходятъ онѣ съ открытыми лицами, такъ какъ большинство мѣстныхъ арабовъ—христиане. Здѣсь, въ Бейрутѣ, какъ и въ Триполи, насъ всюду сопровождала толпа мальчишекъ, обучающихся въ русскихъ школахъ Палестинскаго Общества.

Прежде всего мы отправились за благословеніемъ къ мѣстному митрополиту Гавріилу. Проходили мы мимо прекрасной снаружи церкви во имя Святителя Николая ¹⁾,

¹⁾ Тутъ, какъ и въ Триполи, кафедральный соборъ во имя Великомученика Георгія Побѣдоносца. Достоинно замѣчанія, что на Востокъ широко распространено почитаніе св. Великомученика Георгія; тамъ онъ такъ чтится, какъ у насъ святитель Николай Чудотворецъ. Въ Бейрутѣ же—особенныя основанія для прославленія Святого. Въ верстѣ отъ Бейрута находится то мѣсто, гдѣ св. Георгій, явившись царской дочери, выведенной на съѣденіе змѣю, избавлялъ ее отъ смерти, поразивъ змѣя

теперь украшенной гирляндами цвѣтовъ. Предъ самымъ же входомъ въ архіерейскій дворъ высились величественныя триумфальныя ворота. Оказалось, что это готовится Бейрутцами торжественная встрѣча недавно избранному патріарху-туземцу Мелетію, который прибудетъ сюда завтра изъ Дамаска, въ первый разъ въ санъ патріарха. Кто знаетъ исторію этого избранія и значеніе его для Сирійской Церкви, тотъ представитъ себѣ, какія торжества уготовлялъ Бейрутъ своему Патріарху.... Нечего и говорить, какъ намъ желательно было присутствовать на этихъ торжествахъ, но это значило бы измѣнить своему маршруту, которому мы пока мѣсть строго слѣдовали; притомъ же пароходъ нашъ послѣ полудня долженъ былъ сняться съ якоря, а ждать другого пришлось бы нѣсколько дней. Намъ пришлось только пройти черезъ эти ворота и мысленно представить тѣ торжества, которыя, какъ намъ потомъ пришлось слышать, дѣйствительно представляли нѣчто изъ ряда выдающееся.

Войдя въ домъ митрополита, мы нѣсколько минутъ поджидали Владыку, который совершенно не былъ освѣдомленъ о точномъ времени прибытія Преосвященнаго въ Бейрутъ. И это было сдѣлано по желанію самого Преосвященнаго, который въ виду намѣренія Трипольскаго Митрополита извѣстить Бейрутскаго о времени нашего прибытія, просилъ не дѣлать этого, чтобы не доставить безпокойства старому и болѣзненному Владыкѣ. Скоро пришелъ и митр. Гавріилъ, привѣтствовавшій Преосвященнаго съ чувствомъ искренней радости и благословившій насъ. вмѣстѣ съ этимъ онъ попенялъ на Преосвященнаго Григорія, что тотъ заблаговременно не увѣдомилъ его о времени прибытія такихъ „дорогихъ и рѣдкихъ“ гостей и тѣмъ лишилъ его возможности подобающимъ образомъ встрѣтить насъ. Въ отвѣтъ нашему Преосвященному, принявшему на себя вину этого и объяснившему мотивы своего поступка, Митрополитъ сказалъ, что для такого случая и „старость его превратилась бы въ мла-

---

кошьемъ. Тамъ, гдѣ совершилось это чудесное избавленіе царской дочери, теперь магометанская мечеть, обсаженная лимонными деревьями. Въ мечети показываютъ круглый камень, на которомъ будто бы отдыхала послѣ своей побѣды св. Георгій. Здѣсь находится и источникъ, изведенный, по преданію, св. Георгіемъ, почувствовавшимъ жажду послѣ пораженія змѣя.

дость, и болѣзнь—во здравіе“, и что торжественная встрѣча имѣла бы большое значеніе какъ для православныхъ арабовъ, которые горячо любятъ Россію, такъ—и для инославныхъ, которые имѣютъ большую силу въ Бейрутѣ и пользуются всякимъ случаемъ къ разнаго рода манифестаціямъ...

Послѣ этого Владыка, во время обычнаго восточнаго угощенія, бесѣдовалъ съ нами о разныхъ предметахъ, и съ особенною любовію переносился въ воспоминаніяхъ ко времени пребыванія своего въ Москвѣ въ качествѣ настоятеля антиохійскаго патриаршаго подворья, въ 60-хъ годахъ истекающаго столѣтія; съ глубокою признательностію вспоминалъ онъ о митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ, который, по его словамъ, оказывалъ ему свое особенное отеческое вниманіе, часто приглашалъ въ сослуженіе съ собою. „До смерти своей буду молиться о немъ, какъ о своемъ благодѣтелѣ“, съ чувствомъ произнесъ Митрополитъ, указавъ на висѣвшій на стѣнѣ прекрасный портретъ покойнаго митрополита Филарета. Благодаря хорошему знанію русскаго языка, разговоръ шель очень оживленно и отличался интересомъ. По желанію Митрополита, Владыка благословилъ старшихъ воспитанниковъ „митрополичьяго пансіона“, содержимаго на средства Митрополита. Прекрасное впечатлѣніе произвели эти молодые люди, въ духовномъ одѣяніи. Пробывъ около часу у Митрополита, мы простились съ нимъ, и онъ еще разъ высказалъ радость по поводу этой встрѣчи, почти одновременно совпадающей со встрѣчею другого дорогаго имъ гостя, котораго, къ сожалѣнію, намъ не придется видѣть.

Преосвященный митрополитъ уже преклонныхъ лѣтъ (родился въ Дамаскѣ, въ 1825 году). Съ 1860—69 г.г. онъ былъ настоятелемъ Антиохійскаго подворья въ Москвѣ, а затѣмъ избранъ былъ на Бейрутскую кафедру, на которой неизмѣнно святителствуетъ до сихъ поръ. Митрополитъ Гавріилъ принадлежитъ къ числу выдающихся святителей восточной православной Церкви. Но особенно онъ извѣстенъ своими неусыпными заботами о народномъ образованіи и просвѣщеніи духовенства и организациею благотворительности. Достоинымъ памятникомъ перваго рода трудовъ его можетъ служить упомянутый нами „митрополичій пансіонъ“ или Бейрутское богословское училище, основанное имъ въ 1883 году, на его собственныя средства, съ цѣлью приготовленія кли-

риковъ для антиохійской Церкви. Это дѣтище его всегда было предметомъ особой любви Владыки, который подробно вникаетъ во всѣ нужды училища и непосредственно слѣдить за ходомъ учебно—воспитательнаго дѣла. Лучшихъ учениковъ онъ посылалъ въ Халкинское богословское училище, или въ русскія учебныя заведенія. Многие ученики его занимали и занимаютъ нынѣ высшія іерархическія должности въ антиохійской патриархіи, каковы: блаженнѣйшій Мелетій, нынѣшній патриархъ Антиохійскій, Григорій, Триполійскій митрополитъ, извѣстный Герасимъ Яредъ, бывшій Селевкійскій, и др.

Въ заботахъ же о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа онъ издавалъ нѣсколько духовныхъ журналовъ и много назидательныхъ книгъ на арабскомъ языкѣ.

Что касается филантропической дѣятельности митрополита, то она выразилась въ учрежденіи въ Сиріи многихъ благотворительныхъ братствъ съ самыми разнообразными задачами.....

О такой дѣятельности Бейрутскаго Владыки повѣствоваль нашъ товарищъ Бейрутецъ, Илія Абурусъ, по выходѣ отъ митрополита, которому мы пожелали въ душѣ многихъ лѣтъ здравія, въ чемъ онъ особенно нуждался ¹⁾.

Отъ Владыки мы отправились въ школу Православнаго Палестинскаго Общества, состоящую въ завѣдываніи Маріи Александровны Черкасовой. Школа находится за городомъ и поэтому намъ пришлось взять коляски, запряженныя прекрасными арабскими лошадьми. По Дамасской улицѣ, мимо собравшихся посмотреть на нашу компанію арабовъ, мы быстро выѣхали за городъ и черезъ нѣсколько минутъ были около школы—громаднаго зданія, пріютившагося въ прекрасномъ саду. Преосвященнаго встрѣтила у воротъ школы сама Марія Александровна съ полнымъ штатомъ учительницъ. Дѣти стройно исполнили „Достойно“ входное. Затѣмъ Преосвященный, въ сопровожденіи М. А-ны, учительницъ и насъ посѣтилъ всѣ классы, начиная со старшихъ и кончая младшими, въ которыхъ находятся дѣти чуть-ли не съ трехъ лѣтъ. Это нѣчто въ родѣ дѣтскихъ са-

¹⁾ Теперь Преосвященный Гавріиль мирно почилъ о Господѣ 7-го января, сего 1901 года. Царствіе небесное ему!

довъ, гдѣ дѣти съ самага малаго возраста пріучаются къ новой обстановкѣ и ограждаются отъ опасности попасть въ школы инославныя. Посѣщеніе это произвело на насъ самое отрадное впечатлѣніе. Классы — довольно просторныя. Изъ отвѣтовъ на вопросы, какіе Преосвященнымъ предлагались ученицамъ разныхъ классовъ и по разнымъ предметамъ, можно вывести заключеніе, что постановка ученія въ школахъ правильная и дѣло ведется успѣшно. На пѣніе, какъ видно, въ школахъ обращается особенное вниманіе. Въ нѣкоторыхъ классахъ, по предложенію Преосвященнаго, правильно спѣли ученицы свѣжими, звонкими, нѣсколько рѣзкими, голосами молитвы на славянскомъ языкѣ, арабскія пѣсни и свой національный гимнъ, а въ заключеніе нашъ гимнъ „Боже, царя храни“ при нашемъ дружномъ участіи, — что вышло очень внушительно. Послѣ этого, по просьбѣ М. А-ны, мы зашли къ ней, гдѣ намъ предложены были фрукты и кофе. Въ это время М. А-на много поучительнаго поразказала намъ изъ своей жизни и изъ жизни своей школы, всецѣло обязанной ей своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ. Въ Бейрутѣ М. А-на пользуется глубокимъ уваженіемъ. Всѣ называютъ ее не иначе, какъ „мама“, — это мы сами слышали. Дай Богъ, чтобы эта „мама“ долго-долго жила на радость дѣтямъ, на пользу и огражденіе ихъ отъ разныхъ совращеній. М. А-на представляетъ собою поучительный примѣръ того, что можетъ сдѣлать на чужбинѣ, никому невѣдомая, съ упованіемъ на Бога, самоотверженная русская женщина. Побольше бы такихъ дѣятелей и школъ, и тогда была бы парализована дѣятельность инославныхъ школъ, которыхъ, особенно католическихъ, въ Бейрутѣ очень много, и притомъ устроены и обезпечены онѣ очень хорошо ¹⁾.

Поблагодаривъ М. А-ну за радушіе и удовольствіе, полученное отъ посѣщенія школы, мы простились съ нею. Изъ школы мы отправились въ домъ нашего спутника и товарища — Бейрутца Абуруса, гдѣ совершенно незамѣтно про-

---

¹⁾ Такъ, кромѣ университета, езуиты имѣютъ пять школъ исключительно для бѣднѣйшаго населенія, капуцины—одну школу, католики — греки—три школы, другія общества тоже по нѣскольку школъ, такъ что въ общемъ католическихъ школъ для дѣтей бѣдняковъ насчитывается пятнадцать, не считая школъ при женскихъ монашескихъ общинахъ.

вели нѣсколько часовъ до отправленія на пароходъ, благодаря любезности и чисто русскому, гостепримству осиротѣвшаго семейства Абурусовъ, недавно лишившихся своего главы ¹⁾. Радость и горе соединились вмѣстѣ, но радость, кажется, превозмогла...

Вскорѣ по прибытіи нашемъ сюда, на сосѣднихъ кровляхъ, какъ и въ Триполи, стала собираться публика, а нѣкоторые изъ почетныхъ гражданъ города явились въ домъ, чтобы получить благословеніе русскаго Владыки и засвидѣтельствовать уваженіе къ русскимъ. Во дворѣ собралась цѣлая толпа молодыхъ арабскихъ дѣвушекъ. Во время обѣда, состоявшаго изъ многочисленнѣйшихъ разнообразныхъ блюдъ арабской кухни, устроились буквально арабско-русскія манифестаціи. Собравшіеся арабы кричали: „да здравствуютъ русскіе“ и пили за наше здоровье. Благодаря несдержанной, порывисто-страстной натурѣ арабовъ, симпатіи ихъ выражались энергично и порывисто. Особенно въ этомъ отношеніи былъ интересенъ одинъ высокій сухощавый арабъ, который поминутно говорилъ: „послѣ Бога, всего больше люблю русскихъ“, пилъ за здоровье московскихъ гостей, то и дѣло цѣлуясь съ нами. Въ концѣ обѣда пришелъ сюда преосв. митрополитъ Гавріилъ, чтобы отдать визитъ нашему Преосвященному. Тутъ мы еще разъ увидѣли ту простоту отношеній, какая существуетъ на Востокѣ между Архипастырями и пасомыми. Послѣ обѣда мы тутъ еще оставались нѣсколько времени и провели его въ бесѣдѣ съ арабскою молодежью, преимущественно женскаго пола. Арабскія дѣвушки нимало не застѣнчивы; нѣкоторыя изъ нихъ говорятъ по французски, другія по русски, какъ результатъ дѣятельности Православнаго Палестинскаго Общества. Многія арабскія дѣвушки мечтають попасть когда-нибудь въ Россію, о культурѣ которой у нихъ образовались преувеличенныя и нѣсколько превратныя представленія. Время такъ быстро и незамѣтно пролетѣло подъ гостепримнымъ небомъ Бейрута, что мы едва не прозѣвали нашъ пароходъ и отправились на него лишь

---

¹⁾ Абурусъ—отецъ, почетнѣйшее лицо въ Бейрутѣ, скончался за недѣлю до пріѣзда своего сына, котораго съ нетерпѣніемъ ожидалъ, но не дождался, и сынъ ничего не зналъ о смерти своего отца до самаго послѣдняго момента.

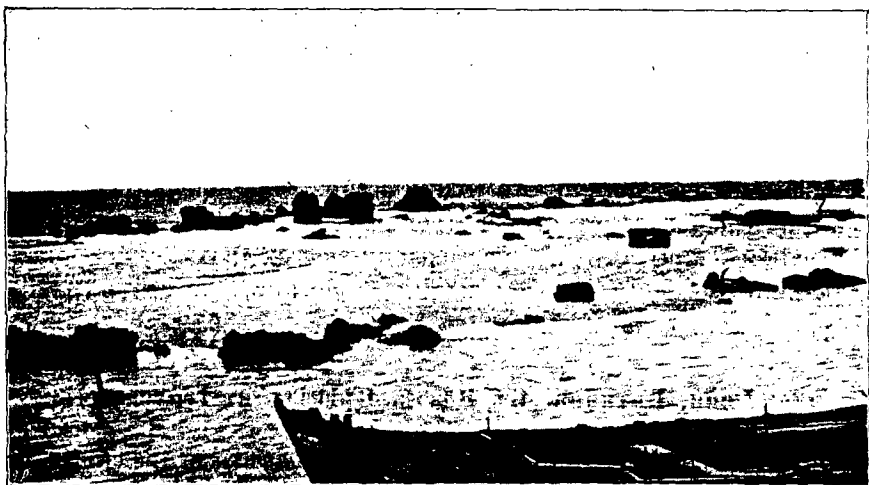
послѣ того, какъ онъ напомнилъ о себѣ нѣсколькими свистками. Прощаніе съ гостепріимнымъ семействомъ Абуруса было трогательно и торжественно. О. Данъ произнесъ нашимъ гостепріимнымъ хозяевамъ и присутствовавшему здѣсь митрополиту Гавріилу многолѣтіе, послѣ котораго мы громогласно пропѣли: многая лѣта и русскій гимнъ. Затѣмъ простились съ хозяевами, взявшими у насъ обѣщаніе заѣхать на обратномъ пути, пожелавъ имъ всѣхъ благъ. На пароходъ мы опоздали ровно на полчаса, но послѣдній еще не ушелъ,—онъ поджидалъ насъ, и лишь только мы пріѣхали, капитанъ отдалъ распоряженіе поднимать якорь. Теперь намъ оставалось проѣхать 10 часовъ до гавани Святой Земли—Яффы. Десяти-часовой переѣздъ до Яффы мы совершили въ одну ночь; море снова шалило и нашъ пароходъ съ несвойственнымъ его солидности легкомысліемъ прыгалъ на разыгравшихся волнахъ, какъ маленькій ребенокъ. Но отъ качки пассажиры на этотъ разъ пострадали, кажется, немного.

23-е Іюня. Пятница. Въ Яффѣ. Пріѣздъ въ Іерусалимъ.

Засіявшее въ пятницу утромъ солнце освѣтило предъ нами скучившуюся на морскомъ берегу библейскую Яффу—знаменитую тысячелѣтнюю гавань Св. Земли. Пассажиры толпились на верхней палубѣ парохода, торопясь взглянуть на ворота св. города. Царственно величаво смотрѣла съ берега на насъ патріархальная Яффа, съ своими бѣлыми нагроможденными другъ на друга домами и стройными минаретами своихъ мечетей, утопая въ зелени роскошной, тропической флоры. У ея ногъ весело плескалось море, высоко вздымавшее гребни своихъ волнъ, которыя, шумя и пѣнясь, разбивались о гряду тянувшихся параллельно берегу морскихъ камней. Эта гряда камней, о которую въ сильное волненіе можетъ разбиться пароходъ, дѣлаетъ Яффскую гавань крайне неудобною, и заставляетъ пароходы останавливаться въ почти-тельномъ разстояніи отъ берега, а пассажировъ перетерпѣть немало страховъ. Дѣло въ томъ, что бьющаяся постоянно о груды морскихъ камней волны при самомъ слабомъ вѣтеркѣ производятъ такое сильное волненіе около Яффы, такъ заставляютъ танцовать около парохода лодку, что спуститься на

нее по трапу бываетъ довольно трудно, и матросы парохода передають пассажировъ изъ рукъ въ руки прямо лодочникамъ арабамъ. Это и даетъ поводъ къ циркулирующимъ въ народѣ преувеличеннымъ рассказамъ о Яффскихъ „страстяхъ“. Впрочемъ, эти страсти иногда бывають такъ велики, что пароходъ не останавливается въ Яффской гавани и сдаетъ своихъ пассажировъ въ Кайфѣ или въ Александри.

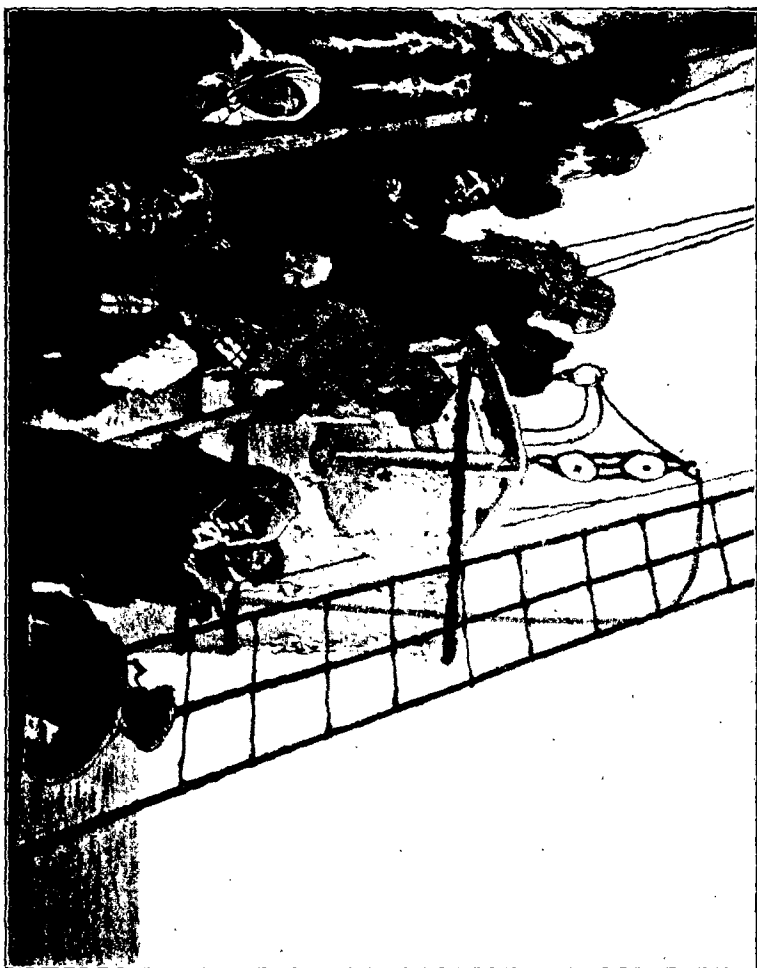

Берегъ у Яффы.

Г. Марковъ такъ поэтически живописуетъ Яффскій берегъ: „Предательскіе подводные камни, черные отъ сырости, обросшіе какъ бороною лохматою зеленью, чуть-чуть спрятавшіе свои плоскіе черепа подъ уровеньъ воды, плещутся цѣлыми сплошными рифами вдоль скалистаго берега, отрѣзая его отъ простора моря, точно приточившіеся червивые зубы дряхлаго подводнаго чудовища, что глотаегъ уже какой вѣкъ утлыя посудыны дерзкаго человѣчества“ ¹⁾. Намъ погода теперь вполне благопріятствовала. Море было теперь спокойно, его ясно-зеркальная поверхность какъ то особенно жизнерадостно серебрилась подъ горячими лучами солнца и необыкновенно задушевно улыбалась на встрѣчу загоравшемуся дню. Едва лишь пароходъ нашъ

¹⁾ Путеш. по Святой Землѣ. Стр. 5.

Богомольцы предъ Яффою.

Къ 567 стр.

остановился въ виду Иффы, какъ его, по обыкновенію, осадили лодочники. Но теперь на нихъ мало обращали вниманія пассажиры. У большинства богомольцевъ были билеты, давашіе имъ право переѣзда на лодкѣ Палестинскаго Общества съ парохода на берегъ и обратно. Такіе билеты паломники приобрѣли еще въ Одессѣ по рублю, и теперь нужно было ихъ предъявить только кавасу консульства, явившемуся на пароходъ, чтобы воспользоваться этою лодкою. Всѣ спѣшили складывать свои пожитки, а многіе, устремивъ благоговѣйный взоръ на городъ, набожно крестились, благодаря Бога, удостоившаго осуществить завѣтную мечту, быть можетъ, долгой, безрадостной жизни, проведенной подъ гнетомъ тяжелой заботы о кускѣ насущнаго хлѣба, или въ борьбѣ съ неправдою людскою и торжествующимъ зломъ. Вотъ она *страна священныхъ спасительныхъ воспоминаній*, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ родился, возросъ, училъ вѣрѣ и любви, проповѣдуя о спасеніи, страдалъ, воскресъ и вознесся на небо! Влечетъ сюда русскаго человѣка пламенное желаніе взглянуть на святыя мѣста, освященныя обитаніемъ въ нихъ нашего Спасителя, облобызать ихъ, помолиться подъ тѣмъ небомъ, къ которому Онъ возводилъ свои очи, облить слезами покаянія то страшное лобное мѣсто, гдѣ былъ распятъ за наши грѣхи Единородный Сынъ Божій, припасть грѣшными устами къ Животворящему Гробу, гдѣ было положено тѣло Господа.... Стремиться увидѣть ее, cadaго вѣрующаго побуждаетъ то-же чувство, которое заставило Ап. Ѳому просить разрѣшенія у Него вложить персты свои въ раны Его. И это чувство настолько естественно для слабаго человѣческаго сердца, что Христосъ, упрекнувъ Ѳому въ маловѣріи, удовлетворилъ его просьбу, и счастливый Апостолъ радостно воскликнулъ „Господь мой и Богъ мой“! Такое чувство трепетной радости наполняло сердца наши и всѣхъ богомольцевъ при видѣ берега Св. Земли, и мы въ чувствѣ глубокой благодарности обратились съ молитвою къ Богу, удостоившему насъ увидѣть ее.

Встрѣтить Преосвященнаго на пароходъ явились съ берега: начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ архимандритъ Александръ (Головинъ) съ драгоманомъ миссіи Я. Г. Халеби, Уполномоченный русскаго православнаго Палестинскаго Общества въ Іерусалимѣ—Н. Г. Михайловъ и

Іерусалимскій вице-консуль—Н. И. Стребулаевъ. Здѣсь же былъ и кавасъ Палестинскаго Общества—извѣстный, опытный проводникъ, имя котораго встрѣчается почти во всѣхъ описаніяхъ путешествій по Востоку—Марко Джуричъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, мы отправились на берегъ. Хотя море въ этотъ день было совершенно спокойно, однако волненіе у берега было, по указаннымъ причинамъ, довольно чувствительное, и лодка то опускалась въ глубину морскихъ волнъ, то поднималась высоко по гребню ихъ. Ловкіе лодочники—арабы съ привычнымъ искусствомъ лавировали между грядами камней, и лодка наша, наконецъ, благополучно „перескочила“ черезъ узкій проливъ съ каменнымъ виднѣющимся ложемъ.

Наконецъ, мы—въ Яфѳѣ, въ этомъ типичнѣйшемъ восточномъ городѣ, съ его крайне узкими кривыми улицами, съ его уличною жизнью, грязью. Хотя теперешняя Яфѳа существуетъ всего полтора ста лѣтъ, но, судя по древнимъ описаніямъ, она совершенно та же, что была во времена крестоносцевъ. Какъ и тогда, теперь всю ея грязь и непорядочность скрашиваетъ чудная флора ея. Яфѳа тонетъ въ зелени садовъ, въ которыхъ особенно обрѣзаютъ на себя вниманіе стройныя пальмы, гордо поднимающія свои красивыя вершины къ далекому ясно-голубому, безоблачному небу. Въ Яфѳѣ мы оставались недолго. Отъ берега узкою, гористою улицею мы прошли черезъ базаръ, на которомъ жизнь кипѣла ключемъ, къ площади, гдѣ сѣли на нанятые экипажи, и черезъ 20 минутъ прибыли въ находящійся за городомъ русскій страннопріимный домъ, сооруженный незабвеннымъ начальникомъ русской миссіи о. архим. Антониномъ. Этотъ пріютъ, къ сожалѣнію, по причинѣ своей отдаленности отъ города, рѣдко посѣщаемый паломниками,—великолѣпнѣйшій, быть можетъ, самый очаровательный уголокъ во всей Палестинѣ. Русская церковь, домъ для служащихъ и помѣщеніе для богомольцевъ пріютились подъ сѣнію чуднаго сада, среди котораго роскошный бассейнъ съ такъ скудною въ Палестинѣ прѣсною водою. Этотъ садъ, по соединеннымъ съ нимъ воспоминаніямъ, называется садомъ св. Тавиены, той сердобольной вдовы, которую воскресилъ ап. Петръ (Д. 9 гл. 36—43). Этотъ садъ Тавиены съ ея пещерою—почти единственная достопримѣчательность Яфѳы,

которая вообще бѣдна достопримѣчательностями, но за то какъ и вся Палестина—эта страна священныхъ воспоминаній—будитъ въ душѣ много воспоминаній о священоисторическихъ событіяхъ. Яффа—древнѣйшій городъ въ мірѣ. Плиній называетъ ее древнѣйшею всемірнаго потопа. Греки приурочивали къ ней нѣкоторые изъ своихъ мѣровъ. Соломону съ Ливана черезъ Яффу доставляли кедры для постройки его знаменитаго храма. Изъ Яффы пророкъ Іона отплылъ въ Фарсы, чтобы убѣжать отъ лица Господня. Означена Яффа и новозавѣтными священо-историческими событіями. Въ Яффѣ ап. Петръ воскресилъ Тавіеу и имѣлъ прообразовательное видѣніе въ домѣ Симона Кожевника, видѣніе, указавшее Апостолу на универсальный характеръ христіанской религіи, которая не дѣлаетъ различія между елиномъ и іудеемъ и призываетъ къ спасенію всѣхъ, желающихъ спастись. Эти воспоминанія толпой тѣнятся въ головѣ на улицахъ допотопнаго города, немало пережившаго за свою длинную исторію. „Исторія Яффы (Юппіи), по справедливому замѣчанію одного путешественника (Фрея ¹⁾), написана кровью. Множество разъ она была въ осадѣ, была разрушена, сожжена и каждый разъ снова выростала изъ пещла“. Ее много разъ разрушали римляне, крестоносцы, турки, а всего лишь сто лѣтъ тому назадъ, Яффа, взятая, послѣ двухлѣтней осады, приступомъ Наполеономъ, была разграблена и опустошена его солдатами. Въ настоящее время Яффа снова довольно большой торговый городъ, поставляющій во множествѣ лимоны, апельсины, гранаты, финики и другіе фрукты на рынки всего свѣта.

Въ пріютѣ архимандрита Антонина мы прежде всего прошли въ церковь св. Петра съ боковымъ престоломъ во имя св. Тавіеы. Церковь—свѣтлая и просторная, но роспись стѣнъ ея еще не окончена. Тамъ совершалась божественная литургія священникомъ—паломникомъ, возвращавшимся изъ Іерусалима, такъ какъ, къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ постояннаго причта; народу почти никого не было, такъ какъ вслѣдствіе отдаленности пріюта отъ станціи желѣзной дороги паломники рѣдко заглядываютъ сюда. Съ большимъ душевнымъ удовольствіемъ выслушали мы божественную литургію впервые на почвѣ Святой

¹⁾ Земля, гдѣ жилъ Іисусъ Христосъ (162 стр.).

Храмъ, построенный о. Антониномъ, въ Яффѣ.

Земли, возблагодаривъ Бога за благополучно совершенный путь, и даже организовали импровизованный хоръ, въ которомъ приняли участіе Преосвященный и профессора. По окончаніи литургіи, по витой желѣзной лѣстницѣ поднялись на высокую колокольню, въ готическомъ стилѣ, съ которой открывается безподобный видъ на городъ и море. Яффа вполнѣ оправдываетъ свое имя (по еврейски—красивая). Дѣйствительно, трудно себѣ представить городъ красивѣе Яффы, когда на нее смотришь съ высоты колокольни церкви св. Петра. Скучившійся, словно для защиты отъ частыхъ нападений, своими высокими домами и стройными минаретами мечетей, городъ опоясанъ съ одной стороны изумрудною лентою моря, съ другой—темно-зеленою бархатною цѣпью безчисленныхъ садовъ, которые придаютъ необыкновенную красоту окрестностямъ города. Сады, большею частію небольшие, раздѣлены канавами для орошенія и прямыми дорожками, которыя сбѣгаются къ находящемуся въ срединѣ cadaго сада бассейну или колодцу. Надъ низкорослыми растеніями садовъ: виноградными, апельсинными, лимон-

ными деревьями, гордо возвышаются стройныя пальмы, стремящіяся своими красивыми вершинами къ далекому небу. А съ неба, ясно-синяго, безоблачнаго въ такомъ обилии льются горячіе золотые лучи солнца, что, кажется, они пропитали своимъ зноемъ самый воздухъ, напоенный благоуханіемъ садовъ. Затѣмъ о. Архимандритъ пригласилъ насъ въ свое помѣщеніе пить чай, предоставивъ въ наше распоряженіе все зданіе пріюта, обставленнаго просто, но удобно и даже уютно. За чаемъ у о. Архимандрита присутствовали и встрѣчавшіе насъ: Н. Г. Михайловъ и вице-консулъ Н. И. Стребулаевъ съ женою. Кольцемъ опоясываетъ пріютъ о. Антонина громадный чудный садъ, гдѣ растутъ лимонныя, апельсинныя, гранатовыя деревья, гдѣ бананы перемѣшались съ финиковыми пальмами, алоэ съ кактусами, олеандры съ монголіями, смоковница съ шелковичнымъ деревомъ и маслинами. Въ этотъ садъ мы и отправились теперь по приглашенію любезнаго хозяина, наслаждаясь пріятною прохладю подъ тѣнью гранатовыхъ, персиковыхъ и помаранцевыхъ деревьевъ, ограждавшихъ насъ своею богатою листвою отъ зноя лучей палящаго солнца, а черезъ него прошли къ пещерѣ, въ которой, по преданію, ап. Петръ воскресилъ Тавиоу. Пещера находится недалеко отъ церкви и представляется сводчатою каменною аркою, устроенною подъ землею. Тутъ на полу замѣтны слѣды мозаики; очень можетъ быть, что это—признаки бывшаго когда то здѣсь храма.

До отхода поѣзда желѣзной дороги изъ Яффы въ Іерусалимъ, отправляющагося одинъ разъ въ день, именно въ 4 часа, было еще достаточно времени. Поэтому, осмотрѣвъ пещеру Тавиоы, всѣ разбрелись кто куда: кто отдыхать, кто по саду любоваться роскошною флорою. Затѣмъ, предъ обѣдомъ купались въ бассейнѣ. Этотъ бассейнъ—прудь, въ который смотрятся гранатовыя и апельсинныя деревья, едва ли не лучшее мѣсто въ саду Антонина. Зеркальная поверхность его искрится подъ лучами солнца въ тѣхъ мѣстахъ, куда листья и вѣтки окружающихъ деревьевъ не бросаютъ своей густой тѣни. Кругомъ густо разрослись деревья, такъ густо, что надъ широкою лѣстницею, ведущею изъ бассейна въ бесѣдку, они образовали сводъ, а самую бесѣдку окружили живою изгородью.

Завѣдываніе приготовленіемъ обѣда, которымъ насъ хо-

тѣль угостить о. Архимандритъ, любезно взяла на себя жена вицеконсула Марія Ивановна Стребулаева, блестяще исполнившая свою миссію. Обѣдъ, приготовленный ею, могъ удовлетворить и болѣе прихотливый вкусъ, чѣмъ нашъ, неизбалованный во время морского переезда столомъ парходной кухни, откуда мы брали, по соглашенію съ поваромъ, за дешевую плату обѣдъ и ужинъ. Обѣдъ былъ сервированъ Марією Ивановною въ саду подъ тѣнію деревьевъ и сопровождался краткими тостами. Говорили о. Архимандритъ и вице-консулъ, привѣтствовавшіе Владыку и его спутниковъ съ благополучнымъ прибытіемъ во Святую Землю и указывавшіе на значеніе этой религіозно-научной поѣздки для православнаго Востока. Преосвященный благодарилъ за привѣтствія и сердечныя благопожеланія.

Вскорѣ послѣ обѣда мы отправились на вокзалъ желѣзной дороги. Снова замелькали мимо насъ корабли путины—верблюды, навьюченные всевозможными предметами, ослы съ ихъ, большею частію, чернокожими погонщиками и множество люда разнаго рода, пола, возраста и національностей. Но явно преобладающимъ элементомъ здѣсь являются турки и арабы. Послѣдніе, дюжие и стройные, особенно обращаютъ на себя вниманіе туриста. Изъ подъ небрежно накинутого на плечи синяго плаща виднѣется ихъ темно-бронзовая мускулистая грудь. Толстый жгутъ кефіи (кефія—головной уборъ бедуина) двойнымъ кольцомъ обвивается вокругъ головы его, поддерживая черныи, покрывающій голову, платокъ, мало отличающійся по цвѣту отъ лица своего хозяина. А вотъ, изящно задрапировавшись въ синій плащъ, съ кувшиномъ воды на головѣ, плавно движется молодая арабка, удивленно посматривая красивыми глазами на проѣзжающихъ. Встрѣчаются и чисто библейскія картины, при видѣ которыхъ воспоминаются тѣ или иныя священныя событія... Проѣхали мы и мимо восточнаго базара, гдѣ жизнь особенно сильно шумитъ и бурлитъ. Страстный, несдержанный темпераментъ дѣтей Востока заставляеть ихъ при разговорѣ такъ жестикулировать и кричать, что постороннему наблюдателю такъ и кажется, что разговаривающіе сію минуту вцѣпляются другъ другу въ волосы, на самомъ-же дѣлѣ они мирно бесѣдуютъ или даже обмѣниваются любезностями, которыя въ большой модѣ у жителей Востока. Благодаря

темпераменту арабовъ, восточная толпа на базарѣ невозможно шумна, тѣмъ болѣе, что выкрикиванія арабовъ смѣшиваются съ визгомъ раздавленныхъ собакъ, валяющихся всюду по улицамъ, ржаніемъ коней, крикомъ ословъ, побрякиваніемъ стаканами, или звономъ колокольчика многочисленныхъ продавцовъ квасу, лимонада, воды, такъ какъ на эти предметы здѣсь громаднѣйшій спросъ. Солнце, роняющее съ высоты яснаго безоблачнаго неба свои знойныя лучи, палитъ немилосердно, усыпляя всю природу и нагоняя лѣнь на людей. И дѣйствительно, не смотря на здѣшній шумъ и суетолюку, лѣнь полновластно царитъ тутъ. Лѣнливо идетъ женщина съ водоносомъ, лѣнливо плетется погонщикъ за еле переступающимъ съ ноги на ногу осломъ; дремлетъ арабъ на горбѣ лѣнливо покачивающагося верблюда, сонными глазами посматриваетъ кругомъ турокъ — продавецъ, лѣнливо тянущій свой кальянтъ, а настоящимъ олицетвореніемъ лѣни являются валяющіяся повсюду на улицѣ сонныя собаки.

Не смотря на только что начинающееся лѣто, базаръ полонъ разнообразными фруктами, среди которыхъ выдѣляются груды еще не совсѣмъ спѣлаго винограду, молодыхъ арбузовъ, абрикосъ, персиковъ.

Вокзалъ желѣзной дороги находится на краю города. Онъ своимъ устройствомъ болѣе напоминаетъ сарай богатаго землевладѣльца, чѣмъ наши желѣзно-дорожные вокзалы. Кавасъ Марко сдать въ багажъ наши вещи и выправилъ для насъ билеты 2 класса ¹⁾ по 4 рубля въ оба конца (въ одинъ конецъ билетъ 2 класса стоитъ 2 р. 50 к.), а для Преосвященнаго и профессоровъ — билеты 1-го класса. Яффская желѣзная дорога устроена французскою акціонерною компаніею недавно; движеніе по ней открыто 15-го Августа, 1892 года. До того времени паломники переправлялись изъ Яффы въ Іерусалимъ или пѣшкомъ, или на нѣмецкихъ фургонахъ съ большими неудобствами. Нѣкоторые и изъ членовъ нашей компаніи хотѣли отправиться въ Іерусалимъ пѣшкомъ, или на лошадахъ, но къ этому могло располагать только своеобразное матеріальное представленіе

¹⁾ На Яффской дорогѣ существуютъ только 2 класса: 1 и 2-ой. Вагоны — маленькіе, тѣсныя, какъ у насъ — на узкоколейныхъ дорогахъ.

о религіозномъ подвигѣ, такъ какъ само по себѣ такое путешествіе не могло быть интереснымъ и привлекательнымъ, тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ, пока желѣзно-дорожный поѣздъ не вѣзжаетъ въ безъотраднo-каменистую, наводящую тоску, іудейскую пустыню, онъ идетъ долиною садовъ (24 версты) параллельно прежней пѣшеходной дорогѣ, и чудными пейзажами можно любоваться изъ оконъ вагона, не испытывая въ тоже время нестерпимой жары и не рискуя подвергнуться нападенію кочующихъ бедуиновъ, не переставшихъ изрѣдка пошалить съ паломниками до самаго послѣдняго времени, какъ то видно изъ сообщеній Православнаго Палестинскаго Общества. Поэтому мы всѣ вмѣстѣ отправились по желѣзной дорогѣ. Желѣзная дорога отъ Яффы до Іерусалима, обходя непроходимыя горы іудейской пустыни, тянется на протяженіи 82-хъ верстъ и идетъ, благодаря гористой мѣстности, болѣе 4-хъ часовъ.

Ровно въ 4 часа, въ 8-мъ по мѣстному времени, раздался послѣдній свистокъ и поѣздъ тронулся. „Господи, благослови“, перекрестились пассажиры, размѣстившіеся на скамейкахъ, разставленныхъ вдоль желѣзнодорожнаго вагона. Кромѣ насъ тутъ помѣстилось нѣсколько богомолковъ—крестьянокъ и нашъ проводникъ Марко—въ своей оригинальной формѣ каваса Палестинскаго Общества, ежеминутно отвѣчавшій на наши вопросы относительно тѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ мы проѣзжали.

Сначала поѣздъ идетъ среди цѣлаго моря зелени, среди апельсиновыхъ и лимонныхъ рощъ, среди чудныхъ тропическихъ садовъ. Далѣе идутъ поля богатой нѣкогда Саронской равнины. Хлѣба сняты, кое-гдѣ виднѣется зеленая дурра (просо, въ родѣ кукурузы), которая особенно оттѣняется на фонѣ обнаженныхъ полей и выжженной солнцемъ растительности. Селенья крайне рѣдки. Они поражаютъ своею бѣдностью. Это, обычно, нѣсколько ушедшихъ наполовину въ землю строеній, около которыхъ виднѣются маленькіе полунагіе ребята. На поляхъ около селеній большія стада овецъ, пасущихся подъ присмотромъ дѣтей. Тутъ же попадаются и верблюды, испуганно поднимающіе голову при видѣ проходящаго мимо поѣзда. Первая станція—Луддъ, библейская Лидда. Поѣздъ стоитъ нѣсколько минутъ противъ небольшого станціоннаго домика, такъ какъ онъ

на каждой станціи запасается торфомъ и водою. Марко, какъ добросовѣстный гидъ, спѣшитъ напомнить намъ, что Лидда-историческій городъ, въ которомъ ап. Петръ исцѣлилъ разслабленнаго Энея. Здѣсь же родился св. Велико-мученикъ Георгій, во имя котораго и возвышается тамъ красивый христіанскій храмъ. До слѣдующей желѣзно-дорожной станціи Рамле, гдѣ, по преданію, была родина тайнаго ученика Іисуса Іосифа, уступившаго Ему свою пещеру, путь идетъ зеленѣющею долиною, на которой пасутся стада и обрисовываются время отъ времени стройныя контуры кипарисовъ и одинокихъ пальмъ; но по мѣрѣ того, какъ поѣздъ убѣгаетъ дальше и дальше отъ Яффы, окружающіе пейзажи дѣлаются все болѣе и болѣе однообразными и мрачными. Наконецъ, спустя часа полтора по выѣздѣ изъ Яффы, поѣздъ входитъ въ предѣлы Іудейскихъ горъ. Разнообразныя тоны и краски, которыми такъ богаты виды вблизи Яффы, постепенно исчезаютъ и вся окружность принимаетъ однообразный, суровый, мертвенно-блѣдный колоритъ. Зеленъ почти совсѣмъ пропадаетъ; только разбросанныя по уступамъ горъ и около дороги, покрытыя серебристымъ налетомъ пыли, оливковыя деревья, да воздѣланныя кое-гдѣ небольшіе виноградники оживляютъ нѣсколько эту мертвую картину Іудейской пустыни, сплошь покрытую камнемъ. Камней здѣсь—цѣлое море. Камни вездѣ: ими усѣяны сверху до низу горы; ими же наполнены всѣ ущелья. И всюду, куда ни кинешь взглядъ—горы, или вѣрнѣе каменистые холмы. Они то сбѣгаются вмѣстѣ, загораживая дорогу желѣзнодорожному поѣзду, то разбѣгаются въ разныя стороны, открывая на далекое пространство волнообразную поверхность, усѣянную камнями. Селенья и здѣсь крайне рѣдки, благодаря чему эти горы служили прекраснымъ пріютомъ для разбойниковъ, въ недавнемъ прошломъ нападавшихъ на караваны паломниковъ. И самыя горы какъ будто нарочно приспособлены для того, чтобы скрываться среди нихъ. Сходясь, они образуютъ трудно проходимыя темныя ущелья, подъ которыми точно повисли въ воздухѣ громадныя скалы, оторвавшіяся отъ горъ. Набѣгая другъ на друга, горы создаютъ неожиданныя причудливыя комбинаціи, а разбѣгаясь въ разныя стороны, образуютъ безконечныя извилистыя проходы. Вообще пейзажи Іудейскихъ горъ величественны и суровы, хотя и

однообразны. Они настраиваютъ душу на торжественный ладъ и побуждаютъ къ самосозерцанію. Тотъ, кто видѣлъ горы нашей Финляндіи и любовался ея грандіозными пейзажами, можетъ составить себѣ нѣкоторое, хотя и слабое, представленіе о Іудейскихъ горахъ. Какъ ни однообразны виды горъ, не хочется уходить съ площадки вагона, откуда мы ими любуемся. Въ самомъ однообразіи ихъ есть что то величественное и привлекательное. Поѣздъ идетъ медленно, съ трудомъ взбираясь на горы и осторожно спускаясь съ нихъ. Солнце уже повисло надъ горизонтомъ, готовясь оставить землю до слѣдующаго утра.

Марко нечего рассказывать больше объ окружающемъ, и онъ говоритъ объ Іерусалимѣ, около котораго сосредоточены всѣ мысли паломниковъ ¹⁾. По словамъ Марко, отвѣчавшаго на наши вопросы, число русскихъ паломниковъ во Святую Землю прогрессивно годъ отъ году увеличивается; въ послѣднемъ году оно доходило уже до десяти тысячъ. Русскіе являются преобладающимъ элементомъ среди поклонниковъ Святой Земли. Нѣмцы—рѣдкіе и случайные гости въ ней; французовъ въ годъ перебиваетъ не болѣе тысячи; англичане являются, главнымъ образомъ, въ качествѣ богатыхъ туристовъ, которые путешествуютъ почти всегда съ большимъ комфортомъ: съ своею прислугою, съ своею кухней, съ палатками. Только среди русскихъ паломниковъ преобладающимъ элементомъ является простой, небогатый людъ—крестьяне. Они путешествуютъ съ исключительно религіозною цѣлію. Сколько разнаго рода непріятностей и лишеній, вслѣдствіе незнанія чужого языка, недостатка денегъ и недобросовѣстнаго отношенія со стороны туземцевъ, на дорогѣ и въ самомъ Іерусалимѣ, до недавняго времени выпадало на долю русскихъ паломниковъ изъ простого народа! Правда, въ послѣднее время Палестинское православное общество дѣла-

¹⁾ Марко—Іерусалимскій старожиль. Уже десятки лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ родину—Черногорію и живетъ въ Іерусалимѣ, всюду сопутствуя паломникамъ въ своемъ оригинальномъ, національномъ костюмѣ съ хаджаромъ (хаджаръ—нѣчто среднее между кичжаломъ и шашкою). Марко говоритъ на шести языкахъ, если и неосновательно, то по крайней мѣрѣ настолько, что можетъ быть полезенъ паломникамъ всѣхъ національностей. Русскихъ любитъ, какъ и всѣ Черногорцы, всею душею.

еть все для него возможное, чтобы облегчить участь русскихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ (оно даетъ сначала бесплатное помѣщеніе и столъ всѣмъ, въ первые двѣ недѣли по прибытіи, а затѣмъ— за самую минимальную плату), но и оно не можетъ пріютить всѣхъ богомольцевъ, особенно въ паломнической періодъ, когда ихъ стекается въ святой городъ до пяти тысячъ.

Въ разговорѣ съ Марко мы и не замѣтили, какъ проѣхали послѣднюю станцію и какъ нашъ поѣздъ, медленно пробираясь среди загораживающихъ ему дорогу горъ, приближался къ Іерусалиму. Солнце скрылось уже за горами. Все указываетъ на приближеніе къ святому городу. „Горы окрестъ его“, говоритъ прор. Давидъ. Дѣйствительно, куда ни кинешь взоръ, всюду горы, да камни, да одинокія, отягощенные плодами, маслины. Но намъ не суждено очевидно было доѣхать до св. города. Провидѣнію было угодно, чтобы мы вступили въ него пѣшкомъ. За 4 версты до города нашъ поѣздъ остановился среди горъ, гдѣ не было никакого признака жилья. Сначала на это не обратили вниманія пассажиры, думая, что поѣздъ запасается водою или топливомъ. Но прошло 10—15 минутъ, и поѣздъ не двигается съ мѣста. По наведеннымъ Марко справкамъ, оказалось, что испортился паровозъ и что дано знать въ Іерусалимъ, чтобы прислали оттуда запасный паровозъ. Ждемъ. Черезъ нѣкоторое время изъ Іерусалима привозитъ отвѣтъ верховой, что тамъ запасного паровоза нѣтъ, онъ—въ Яфѣ; слѣдовательно, поѣздъ можетъ тронуться впередъ только тогда, когда изъ Яффы вызовутъ новый, запасный паровозъ, а это можетъ случиться не ранѣе, какъ черезъ пять шесть часовъ.

Поэтому, поручивъ Марко позаботиться о нашемъ оставшемся въ поѣздѣ багажѣ, мы рѣшили тронуться впередъ пѣшкомъ. Шествіе открывали Преосвященный съ о. Архимандритомъ, за которыми шли мы, а затѣмъ длинною вереницею тянулись наши паломники съ котомками на плечахъ. Здѣсь-же виднѣлись какіе-то джентльмены-туристы, настоятельница какого-то католическаго монастыря и нѣсколько монаховъ. Картина, которую едва-ли когда удавалось видѣть окрестнымъ горамъ! Дороги нѣтъ: кругомъ горы. Поэтому наша процессія двигается по шпаламъ желѣзно-дорожнаго

полотна, причѣмъ мелкіе камушки, которыми усыпано плотно, ежеминутно выскальзывая изъ подъ ногу, дѣлаютъ движеніе впередъ крайне затруднительнымъ. Идя по такой дорогѣ, невольно вспоминаешь благоразумный библейскій обычай ходить въ сандаляхъ и обмывать ноги въ холодной водѣ при входѣ въ домъ. Между тѣмъ ночь опускалась надъ нашими головами, на темно-синемъ небѣ показался блѣдный серпъ луны, въ воздухѣ посвѣжѣло. Мы были въ 1—1½ верстѣ отъ Іерусалима.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, на встрѣчу намъ все чаще и чаще попадался народъ, сначала по одиночкѣ, а около города—цѣлыми толпами. Это были русскіе паломники, жившіе въ это время въ Іерусалимѣ, и вышедшіе во срѣтеніе Преосвященнаго, такъ какъ въ городѣ разнеслись преувеличенные слухи о несчастіи на желѣзной дорогѣ съ тѣмъ поѣздомъ, въ которомъ ѣхалъ Русскій Преосвященный. Тутъ же на дорогѣ привѣтствовали Преосвященнаго депутаціи отъ Патріарха и консульства, предложившіе ему и намъ свои экипажи для слѣдованія въ городъ.

При самомъ вѣздѣ въ городъ Давидовъ, мы утѣшены были встрѣчею съ Его Блаженствомъ Даміаномъ, Патріархомъ Іерусалимскимъ, который пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного инока, шелъ на лѣтнюю дачу свою, въ монастырь Симеона Богопримца. При видѣ Патріарха, мы слѣзли съ экипажей. Его Блаженство привѣтствовало Преосвященнаго съ благополучнымъ прибытіемъ во святой градъ и благословилъ всѣхъ насъ, сказавъ при этомъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, не смотря на поздній часъ, намъ открытъ былъ теперь доступъ къ Гробу для поклоненія.

Поблагодаривъ Его Блаженство и простившись съ нимъ, Преосвященный вмѣстѣ съ нами отправился въ экипажахъ во святой градъ. Къ сожалѣнію, темный покровъ ночи, слабо освѣщаемой блѣднымъ тусклымъ сіяніемъ молодой луны, лишилъ насъ удовольствія полюбоваться общою картиною святого града. Остановились мы у Яффскихъ воротъ, гдѣ слѣзли, и пѣшкомъ, въ сопровожденіи консульскихъ кавасовъ, торжественно постукивавшихъ своими тяжелыми булавами по каменной мостовой, отправились къ святому Гробу Господню. Черезъ нѣсколько минутъ были уже подъ

темными сводами величественнаго храма Воскресенія, полнаго тишины и благоговѣнія. Приложившись къ камню *помазанія*, находящемуся прямо противъ входныхъ дверей, мы повернули на лѣво, за стѣну внутренняго храма и, пройдя нѣсколько шаговъ, вступили въ обширную ротонду, посреди которой стоитъ мраморная кувуклія надъ священною пещерою Гроба Господня. Вотъ наконецъ и то мѣсто, гдѣ лежалъ Господь! Слабое перо не можетъ выразить того, какими святыми чувствами преисполнена была душа наша, когда мы поклонялись и лобызали этотъ Гробъ, вмѣстившій не-вмѣстимаго. Въ сознаніи такого безсилія своего мы и не пытаемся воспроизвести въ словѣ тотъ священный трепеть и благоговѣніе, которыми въ эти минуты проникнуто было все существо наше. Незабвенны до конца жизни будутъ эти минуты!.....

Изъ храма Воскресенія мы тѣми же улицами отправились черезъ Яффскія ворота на Русскія постройки. Здѣсь, въ русскомъ храмѣ въ честь св. Троицы, уготована была Преосвященному торжественная встрѣча всѣмъ духовенствомъ миссіи и народомъ—богомольцами, наполнившими обширный храмъ. При входѣ въ храмъ, одинъ изъ іеромонаховъ миссіи (Филаретъ, бывшій инспекторъ Кіевской Семинаріи) обратился къ Преосвященному съ рѣчью, въ которой, привѣтствуя его съ благополучнымъ прибытіемъ, между прочимъ, сказали, что среди православно-русскаго населенія, живущаго въ Іерусалимѣ и посѣщающаго церковныя службы, давно чувствовался недостатокъ русскаго, благолѣпнаго архіерейскаго служенія, къ которому они такъ привыкли на родинѣ, а теперь съ великою радостью они надѣются услышать родное архіерейское служеніе.

Послѣ молебна о благополучномъ прибытіи во [св. градъ, Преосвященный обратился ко всѣмъ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой выразилъ тѣ святыя чувства, которыми преисполнены въ эти торжественныя минуты душа его и спутниковъ его. Затѣмъ, примѣнительно къ филологическому производству слова „Іерусалимъ“ (градъ мира), Преосвященный говорилъ, что онъ всего болѣе желаетъ, чтобы здѣсь, въ городѣ мира, царилъ миръ, благодать и любовь между всѣми представителями христіанскихъ вѣроисповѣданій, чего, къ великому сожалѣнію, здѣсь нѣтъ. Здѣсь, въ святомъ

мѣстѣ,—поучаль Преосвященный,—гдѣ самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ принесъ себя въ жертву за грѣхи міра, принесъ на землю миръ, провозвѣстилъ великое слово братской любви, врагъ рода человѣческаго посягаетъ вражду и несогласіе, возжглось пламя ненависти между представителями различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, оскорбляющихъ своимъ поведеніемъ достоинство той великой святыни, предъ которою всѣ безъ различія племенъ и національностей должны благоговѣть. И если вездѣ, то особенно здѣсь, у Гроба великаго Примириителя людей съ Богомъ, въ союзѣ любви должны соединиться всѣ сердца, чтобы было одно стадо подъ верховнымъ водительствомъ единаго Пастыря—Христа.

Преподавъ затѣмъ благословеніе собравшемуся народу, Преосвященный вмѣстѣ съ нами отправился къ начальнику миссіи о. архимандриту Александру, куда прибыли и всѣ члены миссіи. Здѣсь за чашкою чая, среди радушной братіи, мы посидѣли около часу, а затѣмъ около десяти часовъ мы отправились на новое подворье православнаго Палестинскаго общества, находящееся недалеко отъ зданія миссіи. Здѣсь, благодаря любезности секретаря Палестинскаго общества В. Н. Хитрово, сдѣлавшаго своевременныя распоряженія, намъ были бесплатно предоставлены чистыя уютныя и прекрасно меблированныя помѣщенія и бесплатный столъ. Выпивъ по чашкѣ кофе у любезнаго хозяина подворья уполномоченнаго Палестинскаго Общества Н. Г. Михайлова, которому мы обязаны всѣми удобствами во время пребыванія въ Иерусалимѣ, мы были приглашены въ общую столовую на ужинъ, послѣ чего размѣстились въ отведенныхъ намъ прекрасныхъ номерахъ.

24 Іюня. Суббота. Первый день въ Иерусалимѣ: у патриарха; на русскихъ раскопкахъ; на Елеонской горѣ.

Утро перваго дня въ Иерусалимѣ было посвящено разработкѣ маршрута для обозрѣнія святынь города и окрестъ лежащихъ священныхъ мѣстъ. Такой маршрутъ, всегда вообще полезный во время путешествія, намъ былъ особенно необходимъ въ виду того, что въ Иерусалимѣ мы могли оставаться не болѣе мѣсяца (чтобы къ началу учебнаго года

вернуться въ Россію), считая въ томъ числѣ двѣ недѣли для поѣздки въ Назаретъ; но въ такой короткій срокъ (двѣ недѣли) трудно было детально осмотрѣть всѣ достопримѣчательности вѣчнаго города и окрестныхъ мѣстъ, а потому приходилось выбирать болѣе важное, оставляя менѣе заслуживающее вниманія. Приспособительно къ высказаннымъ нами соображеніямъ, принимая во вниманіе и время, находившееся въ нашемъ распоряженіи, маршрутъ составилъ Н. Г. Михайловъ, отличный знатокъ Іерусалима и вообще всей Палестины. Маршрутъ, какъ оказалось на дѣлѣ, составленъ былъ вполне цѣлесообразно, и мы выполнили его съ чисто нѣмецкою аккуратностію. Не приводимъ его, потому что онъ само собою виденъ будетъ изъ послѣдующаго, такъ какъ вся жизнь наша до выѣзда изъ Палестины совершалась по маршруту.

Согласно выработанному маршруту мы должны были начать первый день пребыванія въ Іерусалимѣ съ посѣщенія Его Блаженства патріарха Даміана. Поэтому, зайдя въ храмъ Воскресенія, приложившись къ святому Гробу Господню, мы отправились въ греческую патріархію по своеобразнымъ, съ каменными, уступами, улицамъ святого города, который теперь при дневномъ освѣщеніи мы могли разсматривать во всѣхъ подробностяхъ. Трудно передать словами то впечатлѣніе, какое производитъ впервые святой городъ. Его отчасти можетъ понять тотъ, кому, послѣ долгихъ лѣтъ странствованія по пустынь жизни, случалось вернуться въ тотъ родной городъ, гдѣ протекло его первое дѣтство, гдѣ зарождались его первыя чистыя желанія и зрѣли первыя искреннія и глубокія мысли. При видѣ родного города,— пусть за прошедшее время фізіономія его и измѣнилась, къ лучшему или худшему, — сердце возвратившагося путника радостно трепещетъ. Тѣсною вереницею толпятся въ головѣ воспоминанія о минувшихъ безвозвратно золотыхъ дняхъ дѣтства, и эти воспоминанія разжигаютъ въ сердцѣ горячее пламя любви къ родному городу. Тѣ же чувства волновали грудь нашу и на улицахъ св. города; ходя по нимъ, переживали и мы лучшую пору нашей жизни, золотые дни счастливаго дѣтства, такъ какъ никогда не бываетъ такъ чиста и глубока наша вѣра, такъ близокъ къ намъ горній Іерусалимъ, какъ въ годы невиннаго дѣтства.

Улица въ Иерусалимѣ.

Дитя живетъ въ сферѣ воображенія, и потому библейскія лица: Моисей, Давидъ, Юсифъ, наконецъ, Христось для него вполне живыя лица, облеченныя плотью и кровью; онъ любитъ ихъ всею силою своею маленькаго сердца и живо представляетъ себѣ на основаніи священныяxъ разсказовъ тѣ мѣста, гдѣ они жили и дѣйствовали. Проза жизни, какъ утренній морозъ, убивающій нѣжные маѣскіе цвѣты, ослабляетъ силу непосредственнаго, дѣтскаго религіознаго чувства... Но вотъ снова тѣ мѣста, среди которыхъ жило дѣтское воображеніе; вотъ тѣ мѣста, гдѣ дѣйствовали знакомые съ дѣтства святые люди и просыпается въ груди подавленное жизнью дѣтски—непосредственное религіозное чувство. Пу-

скаѣ библейскаго Іерусалима уже нѣтъ; пусть тотъ, который мы видимъ, мало напоминаетъ библейскій, такъ какъ предсказаніе Христа, что отъ города Давидова не останется камня на камнѣ, какъ и всѣ Его слова, сбылось съ буквальною точностью! Но сердце дрожить и при видѣ совершенно измѣнившейся родины; оно живетъ воспоминаніями далекаго прошлаго. Палестина,—это по истинѣ *страна священныхъ воспоминаній*. Правда, въ ней все за протекшіе вѣка измѣнилось, но за то все напоминаетъ о великихъ, совершившихся здѣсь священно-историческихъ событіяхъ. Самый городъ перемѣнилъ мѣсто,—онъ вышелъ изъ-за библейскихъ стѣнъ и вообще совершенно измѣнился: тамъ, гдѣ была ранѣе гора Моріа—теперь почти низменность, гдѣ былъ потокъ Кедронскій—теперь сухое каменистое ложе... Но остались библейскія названія, будящія въ душѣ священныя воспоминанія о совершившихся здѣсь событіяхъ.

Утромъ перваго дня, проведеннаго нами въ Іерусалимѣ, мы, зайдя въ храмъ Воскресенія и приложившись къ Гробу Господню, отправились въ патріархію въ сопровожденіи о. Начальника миссіи арх. Александра и Н. Г. Михайлова ¹⁾. Резиденція патріарха находится въ греческомъ монастырѣ св. Георгія, пріютившемся среди массы другихъ зданій, недалеко отъ Воскресенскаго храма. Зданіе патріархіи затерялось среди другихъ окружающихъ его и снаружи мало чѣмъ обращаетъ на себя вниманіе. Но внутри оно помѣстительно и обставлено роскошно. Широкая лѣстница ведетъ вверхъ, гдѣ чрезъ устланную мраморными плитами площадку мы вошли въ большой свѣтлый и прекрасно убранный залъ съ длиннымъ рядомъ дивановъ и кресель, обитыхъ яркою шелковою матеріею. Между ними расположены небольшіе разукрашенные столики. Стѣны увѣшаны портретами Государя, Государыни, особъ Греческаго царствующаго дома, большимъ портретомъ Султана, Великихъ князей Сергія и Павла Александровичей и Великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Сюда вскорѣ изъ-за тяжелой драпировки, отдѣляющей пріемную отъ внутреннихъ комнатъ, вышелъ „блаженнѣшій и Святѣшій Отецъ и Патріархъ св. града

¹⁾ По пути Преосвященный съ профессорами зашли съ визитомъ къ г. консулу Яковлеву, но не имѣли удовольствія застать его дома.

Патріархъ Іерусалимскій Даміанъ.

Іерусалима и всей Палестины, Сиріи и Аравіи за Іорданомъ, Каны Галилейской и Св. Сіона“ Даміанъ. Онъ былъ въ черной, разрѣзанной по бокамъ снизу, рясѣ и въ камлавкѣ съ расширяющимся дномъ. Его Блаженство встрѣтилъ насъ очень привѣтливо. Послѣ того какъ Его Преосвященство представилъ насъ ему, онъ всѣхъ благословилъ, со всѣми облобызался и усадилъ всѣхъ около себя. Затѣмъ намъ предложено было обычное восточное угощеніе. Патріархъ Даміанъ хорошо говоритъ по русски и объясняется безъ переводчика. Онъ еще не старыи, бодрый, представительный мужчина, съ сѣдоватою бороδοю, круглымъ и очень симпатич-

нымъ лицомъ, на которомъ словно застыла улыбка ¹⁾. Онъ очень интересовался нашимъ путешествіемъ и желалъ ему полного успѣха въ виду его благой цѣли и исключительности. Его Блаженство высказалъ даже надежду, что благой примѣръ путешествія къ величайшей святынѣ Востока воспитанниковъ духовной школы не останется безъ послѣдствій. Онъ подробно разспрашивалъ о нашемъ путешествіи до Іерусалима, о предполагаемомъ распредѣленіи времени въ Іерусалимѣ и вообще въ Палестинѣ, обѣщавъ содѣйствовать успѣху нашего путешествія, поскольку онъ можетъ быть намъ полезенъ; благословилъ Преосвященнаго и сопутствующее ему духовенство служить во всѣхъ греческихъ храмахъ и даже совершить у Гроба Господня и на Голгоѣѣ „исключительно русское“ служеніе,—что очень утѣшительно и знаменательно, особенно если обратить вниманіе на недавнее время. Напр., когда патріархъ Никодимъ позволилъ себѣ во время богослуженія произносить нѣкоторые возгласы по русски, то греки сильно возстали противъ него, обвиняя его въ измѣнѣ и предательствѣ русскимъ (см. Журн. сообщ. Импер. Правосл. Пал. Общества) и до послѣдняго времени неохотно допускали русское духовенство служить въ храмѣ Воскресенія и вообще въ греческихъ церквахъ, а допустивъ, старались оттѣснить на задній планъ своими. По окончаніи аудіенціи, получивъ напутственное благословеніе Его Блаженства, мы въ сопро-

¹⁾ Патріархъ Даміанъ—родомъ изъ Самоса; въ молодости прибылъ въ Іерусалимъ, гдѣ и закончилъ свое образованіе. Вступивъ затѣмъ въ Святогробское братство и зарекомендовавъ себя честнымъ и просвѣщеннымъ исполненіемъ лежавшихъ на немъ обязанностей, Даміанъ при патр. Іеровеѣ I былъ посланъ въ качествѣ епитропа св. Гроба въ Грузію, гдѣ съ ревностію и честію служилъ нѣсколько лѣтъ въ пользу Святогробскаго братства. Потомъ, при патр. Никодимѣ I, онъ былъ опредѣленъ епитропомъ Гроба Господня въ Константинополь и здѣсь приобрѣлъ общее расположеніе и уваженіе. Отозванный однако черезъ два года патр. Никодимомъ въ Іерусалимъ, онъ долгое время находился на покой. При патр. Герасимѣ I, Даміанъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ Святогробскаго братства, потомъ былъ возведенъ въ санъ митр. Филадельфіи и назначенъ намѣстникомъ Іерусалимскаго Патріарха въ монастырѣ Вилееемскомъ. Послѣ смерти патріарха Герасима, († 1897 г.) 10-го іюня тогоже года былъ призванъ на престолъ Іакова, брата Господня, митр. Даміанъ. Въ бытность свою митрополитомъ Филадельфійскимъ, онъ былъ на коронаціонныхъ торжествахъ 1896 года въ Москвѣ, въ качествѣ представителя патр. Герасима. Патріарху Даміану теперь около 50 лѣтъ.

вожденіи о. архимандрита и Н. Гр. Михайлова направлены по узкой коридоро-образной улицѣ на русскія раскопки, въ Русскій домъ, въ которомъ сохраняется недавно-открытая

Порогъ Судныхъ вратъ.

арка — новый порогъ „Судныхъ вратъ“, чрезъ который съ крестомъ шель на Голгоѳу Господь нашъ Иисусъ Христось, часть лѣстницы, ведшей въ базилику Константина, и остатки древне-еврейской стѣны, за которую (внѣ черты города) Христось вышелъ на вольныя страданія. Русскимъ домомъ, такимъ образомъ, заканчивается крестный путь Христа, а потому онъ находится всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ храма Гроба Господня. Раскопки эти, имѣющія громадное значеніе для археологій и топографіи святого города, произведены по почину Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества Великаго Князя Сер-

гія Александровича бывшимъ начальникомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ архимандритомъ Антониномъ, имя котораго съ благоговѣніемъ произносится здѣшними сторожилами и дѣлается священнымъ для паломника, выдающаго на каждомъ шагѣ добрые плоды его неутомимой и многополезной дѣятельности во благо русской Церкви на православномъ Востокѣ. Судныя врата открыты Антониномъ 10 іюля 1883 года во время раскопокъ, на глубинѣ 30 аршинъ. Въ настоящее время надъ площадью, гдѣ была открыта интересная находка, сооруженъ небольшой храмъ въ память въ Бозѣ почившаго царя Миротворца Александра III-го. Откопанные остатки древнееврейской стѣны находятся въ фундаментѣ нижняго этажа храма, который соединяется широкою лѣстницею съ верхнимъ этажемъ. Здѣсь же хранятся другія находки Антонина и помѣщается женское братство, члены котораго неусыпно читаютъ псалтирь по усопшемъ Государѣ и почившихъ членахъ Палестинскаго общества у самаго священнаго порога, помѣщеннаго подъ стекляннымъ футляромъ. Въ Русскомъ домѣ мы оставались довольно долго, подробно и обстоятельно разсматривая раскопки Антонина, такъ какъ онѣ имѣютъ громадное значеніе для окончательнаго рѣшенія вопроса (спорнаго до сихъ поръ для ученыхъ) о подлинности тѣхъ священныхъ мѣстъ, которыя заключаетъ въ себѣ храмъ Воскресенія. Дѣло въ томъ, что какъ Голгоѳа, такъ и пещера погребенія Спасителя открыты лишь въ 324 году по Р. Хр. Это обстоятельство даетъ поводъ заподозрѣвать подлинность этихъ священныхъ мѣстъ нѣкоторымъ, преимущественно, протестантскимъ ученымъ, указывающимъ пещеру погребенія Христа на холмѣ Іереміи, за Дамасскими воротами. Но хотя Голгоѳа и пещера погребенія Христа открыты дѣйствительно настолько поздно, что въ народной памяти могло затеряться историческое преданіе о мѣстонахожденіи ихъ, однако св. Елена открыла ихъ, какъ извѣстно, по вѣрному признаку, — именно, по тѣмъ статуямъ Юпитера и Венеры, которыя поставилъ надъ Голгоѳою и пещерою гроба Господня Императоръ Адріанъ, изгнавшій евреевъ изъ Іерусалима и желавшій уничтожить самую память о священныхъ для христіанъ мѣстахъ, сдѣлавъ ихъ мѣстами для поклоненія язычниковъ. Единственную опору протестантскаго опредѣленія

мѣста погребенія Спасителя служила ссылка на слова евангелія, свидѣтельствующія о томъ, что Спаситель былъ погребенъ внѣ стѣнъ города, между тѣмъ какъ теперешнее мѣсто храма Воскресенія, включающее въ себѣ Гробъ Господень и Голгову, по ихъ мнѣнію, находилось внутри древнихъ городскихъ стѣнъ, одна изъ которыхъ проходила къ западу отъ храма Воскресенія. Открытый на востокъ отъ храма Воскресенія остатокъ древнееврейской стѣны подрываетъ силу этого доказательства, подтверждая убѣжденіе въ томъ, что Голгова и Гробъ Господень находятся дѣйствительно внѣ стѣны древняго города, заставляя, такимъ образомъ, признать подлинность святынь, заключенныхъ въ нынѣшнемъ храмѣ Воскресенія.

По осмотрѣ Русскаго дома, завѣдующая имъ угостила насъ чаемъ, — что было весьма кстати, въ виду почти нестерпимой жары, особенно сильно дѣйствовавшей на насъ, жителей сѣвера. Жара же побуждала торопиться домой, чтобы укрыться поскорѣе отъ палящихъ лучей знойнаго палестинскаго солнца. Если въ русскомъ домѣ дѣйствительно находится порогъ „Судныхъ вратъ“, черезъ который Христосъ шелъ за городъ на крестныя страданія, то они являются послѣднею стадіею великаго крестнаго пути Спасителя. Этимъ путемъ и мы отправились теперь на русскія постройки. Крестный путь—путь великій и страшный, въ настоящее время—цѣпь узкихъ, грязныхъ, темныхъ и шумныхъ улицъ и переулковъ Иерусалима. Чего-чего только здѣсь нѣтъ?! Верблюды, ослы, лошади, ихъ погонщики, разносчики всевозможнаго товара, турки, евреи, арабы, христіане всѣхъ національностей—всѣ столпились на этомъ пути. Крики погонщиковъ, ругань арабовъ, выкрикиванія продавцовъ, ревъ ословъ—все слилось здѣсь въ одинъ нестройный гулъ. Невозможно грязная улица завалена горами разнаго товара, гдѣ фрукты перемѣшались съ тушами мяса, галантерейные товары съ священными реликвіями. Однимъ словомъ, крестный путь Христа въ современномъ Иерусалимѣ—это одна изъ самыхъ грязныхъ, быть можетъ въ цѣломъ мірѣ, шумныхъ, торговыхъ улицъ. Не указываетъ-ли это символически на то, какъ послѣдователи Христа въ современномъ христ. мірѣ, взявшіе на себя крестъ Его и обѣщавшіе итти Его путемъ—путемъ страданій и униженій, идутъ

широкою и шумною дорогою радостей и наслажденій жизни.... Отъ Русскаго дома черезъ Дамасскую улицу мы вошли въ узкую улицу-коридоръ, сквозь арки которой проникають сюда слабые лучи свѣта; сѣрая мраморная колонна обозначаетъ здѣсь мѣсто вторичнаго паденія Христа подъ тяжестью креста. Далѣе, среди позднѣйшихъ построекъ улицы, занятой грязными, полуоткрытыми лавками, мѣстами проступаетъ остатокъ древне-еврейской стѣны. Благодетельное преданіе ознаменовало каждый шагъ крестнаго пути Спасителя священными воспоминаніями. Вотъ, по преданію, домъ евангельскаго Добрука—средобольнаго богача; далѣе, мѣсто, гдѣ плакали преданныя Христу Иерусалимлянки и гдѣ Онъ, Самъ изнемогающій подъ тяжелою ношею креста, утѣшалъ ихъ; вотъ мѣсто, гдѣ встрѣтила божественнаго Страдальца Его Мать и гдѣ сострадательный Симонъ Киринейскій взялъ на себя Его крестъ. Наконецъ, мы доходимъ до излома улицы, гдѣ находится древняя арка, извѣстная подъ названіемъ: „есе homo“. Отсюда, по преданію, Пилать показаль ожесточенной толпѣ изможденнаго Христа, одѣтаго въ багряницу и съ окровавленнымъ терновымъ вѣнцомъ на головѣ. Далѣе, узкій коридоръ улицы широкими ступенями поднимается вверхъ. Лавки, расположенныя на протяженіи крестнаго пути, большею частію устроены безъ оконъ и безъ дверей, а освѣщаются только съ улицы. Они или непосредственно соединены съ мастерскими, или сами въ то-же время являются мастерскими, такъ что, проходя по улицѣ, имѣешь возможность наблюдать дѣятельность въ этихъ мастерскихъ. Съ улицы видно, какъ въ одномъ мѣстѣ столяры работаютъ надъ изготовленіемъ восточныхъ дивановъ и другихъ предметовъ, преимущественно мелкихъ вещицъ изъ оливковаго дерева (верблюды-чернильница, подсвѣчники, альбомы, трости и т. п.), раскупаемыхъ паломниками на память о Иерусалимѣ; въ другомъ—сапожники шьютъ туфли изъ красной кожи, которыя здѣсь въ большомъ ходу, такъ какъ продаются крайне дешево (50 к. на рус. деньги) и очень практичны для ходьбы по здѣшнимъ камнямъ, убійственнымъ для обычной европейской обуви; затѣмъ видно мастерскую горшечника, выдѣлывающаго изъ глины употребительные здѣсь кувшины, рядомъ съ мастерской, въ которой работаютъ надъ выдѣлываніемъ изъ перламутра крестиковъ, четокъ и тому

подобныхъ вещей, бойко раскупаемыхъ богомольцами на память. Далѣе работаютъ хлѣбопекари, тутъ же и продающіе свои горячія печенья; дымятся жаровни, на которыхъ поджаривается шашлыкъ и шипитъ, вертясь на вертелѣ, мясо. Такова жизнь на улицахъ Іерусалима! И если принять во вниманіе то обстоятельство, что на Востокѣ внѣшнія формы и весь укладъ жизни отличаются необыкновенною устойчивостью и малоподвижностью, то съ полнымъ правомъ въ теперешнихъ формахъ жизни можно видѣть формы жизни, современныя библейскому Іерусалиму, современныя самому Христу чисто библейскія картины. Іерусалимъ словно замеръ, подобно забальзамированной египетской статуѣ, и пронесшіяся надъ нимъ тысячелѣтія, совершенно измѣнившія его внѣшній видъ, не коснулись формъ внутренней жизни, не измѣнили обычаевъ и привычекъ страны. Даже костюмы не изнасились за протекшія тысячелѣтія. Снующіе вездѣ евреи съ характерными библейскими лицами одѣты въ широкіе, перехваченные у пояса плащи, на ногахъ красныя сандали.

За то совершенно другою атмосферою вѣетъ, едва-лишь только выходишь изъ-за стѣнъ города и приближаешься къ новому городу, въ которомъ главное мѣсто занимаютъ Русскія постройки: здѣсь чисто, просторно и красиво.

Русскія постройки, занявшія большую площадь на сѣверо-западномъ концѣ Іерусалима, пріютились безспорно въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ уголковъ города, на возвышенности, отдѣленной отъ остальныхъ частей и господствующей надъ всѣмъ городомъ. Русскія постройки, обнесеныя массивными стѣнами,—это цѣлая русская колонія въ Іерусалимѣ, недалеко отъ Яффскихъ воротъ. Вся возвышенность покрыта цѣлымъ рядомъ зданій, среди которыхъ возвышается пятиглавый соборъ византійскаго стиля въ честь св. Троицы. Кругомъ собора группируется цѣлый рядъ двухъ-этажныхъ корпусовъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ миссіи, другіе—Палестинскому обществу; въ первыхъ помѣщаются служащіе въ Миссіи (о. Архимандритъ, 5 іеромонаховъ и нѣсколько пѣвчихъ; есть номера и для пріѣзжающаго духовенства, которое однако мало здѣсь останавливается); во вторыхъ—устроены большая больница съ помѣщеніемъ для служащихъ, гостиницы для богомольцевъ,

простого народа и интеллигенціи. Корпуса устроены массивно, съ плоскими, по восточному, крышами, и окрашены блѣдно розовою краскою. Они приютились по окраинѣ площади, оставивъ въ срединѣ пустымъ большое пространство, отчасти занятое прекраснымъ цвѣтникомъ.

Самое подворье Палестинскаго общества для паломниковъ устроено вполне образцово. Два большія корпуса для мужчинъ и женщинъ изъ простыхъ паломниковъ устроены удобно и содержатся чисто. Новое подворье для интеллигентныхъ паломниковъ устроено не только удобно, но даже съ комфортомъ. Оно выстроено по послѣднему слову науки со всевозможными приспособленіями, съ цистернами, снабжающими водой во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, русскими банями, сушильнями для бѣлья, и т. п. Кромѣ того, при немъ есть прекрасный общій залъ, библіотека.

По возвращеніи на подворье мы пообедали, и до 4-хъ часовъ, когда было предположено отправиться на Елеонскую гору, разошлись по своимъ номерамъ, кто отдыхать, кто записывать впечатлѣнія послѣднихъ дней. Но заниматься въ Іерусалимѣ днемъ чѣмъ бы то ни было, непривыкшему къ здѣшнему климату человѣку, очень трудно. Нестерпимый дневной зной на улицѣ проникаетъ и сквозь рѣшетчатые жалюзи оконъ подворья въ комнаты, гдѣ накаливаетъ воздухъ, расслабляетъ, убиваетъ всякую энергію и побуждаетъ забираться подъ кисейный пологъ койки, что вскорѣ большинство и сдѣлало.

Въ три часа Марко уже стучалъ въ двери нашихъ комнатъ, торопя пить чай, такъ какъ черезъ часъ назначенъ выѣздъ на Елеонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
